

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И НАШЕ ВРЕМЯ

СПАСАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

- ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ОБИТЕЛЬ

- СТАРЧЕСТВО
ПРЕПОДОБНОГО

- ПОУЧЕНИЯ
ПРЕПОДОБНОГО
СЕРАФИМА

СПАСАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

Преподобный Серафим
и наше время

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2012

УДК 242
ББК 86 372
С 71

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС-12-122-2240

**С 71 Спасая себя и других: Преподобный Серафим
и наше время. — М.: Издательство Московской
Патриархии Русской Православной Церкви,
2012. — 176 с.: ил.**

В книге рассматривается феномен старчества как особый благодатный дар Духа Святого и старчество преподобного Серафима как главный его подвиг. Объясняется связь великих духовных событий с важнейшими поворотными моментами в истории России.

«Радость моя, стяжи дух мирен — и вокруг тебя тысячи спасутся». Так, спасая себя и других, поставив духовное на первое место в жизни, исполним Закон Христов и заветы преподобного Серафима.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2012

ISBN 978-5-88017-270-2

«ОН УЧИЛ НАС СТЯЖАТЬ БЛАГОДАТЬ СВЯТОГО ДУХА»

Преподобный Серафим Саровский — один из самых почитаемых святых земли Русской, дни памяти которого празднуются у нас с поистине всенародным торжеством. В 2003 году вся страна отмечала 100-летие со дня канонизации Преподобного, в 2004 году — 250-летие со дня его рождения, а 1 августа 2011 года — 20 лет со дня второго обретения мощей батюшки Серафима.

В XX веке святые мощи угодника Божия более шестидесяти лет были сокрыты от всенародного поклонения. В Саровском монастыре они находились вплоть до 1927 года, когда советской властью было принято постановление о закрытии Саровского монастыря и изъятии мощей преподобного Серафима, первоначально якобы для передачи их в московский музей, однако сразу после Сарова следы их местонахождения теряются. И лишь в ноябре 1990 года, при инвентаризации церковного имущества в запасниках ленинградского Музея истории религии, располагавшегося в то время в стенах Казанского собора, были неожиданно обнаружены мощи преподобного Серафима, что явилось настоящим открытием, поскольку никаких документов, указывающих на возможность нахождения там святых мощей, не имелось. В начале 1991 года, после необходимого

освидетельствования и подтверждения подлинности, святые мощи были официально переданы Церкви, которая во всеуслышание объявила об их обретении. Сначала они находились в Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге, затем в Москве в Богоявленском Елоховском соборе, а 1 августа 1991 года, в день памяти Преподобного, рака с его святыми мощами, в сопровождении патриарха Алексия II, множества архиереев, духовенства и паломников, была торжественно установлена в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря. В каждом из городов на пути следования в Дивеево новообретенную святыню торжественно встречали при огромном стечении народа, проводили крестные ходы, служили молебны, коленопреклоненно молились¹. Не будет преувеличением сказать, что событие это всколыхнуло всю Россию.

Глубоко промыслительным представляется то, что именно в начале 90-х годов, с широким обращением русского народа к вере и Церкви, с началом повсеместного восстановления храмов, монастырей и возобновлением в них богослужений, — именно в это время неожиданно обретаются святые мощи одного из самых ярких светильников земли Русской — преподобного Серафима Саровского. Сокрытые от людских глаз во времена главенства безбожной власти и антирелигиозной идеологии, они, как хранившееся до времени под спудом сокровище, вновь были явлены Господом русскому народу на пути его возвращения к своим духовным истокам.

«Событие, участниками которого мы были, — сказал патриарх Алексий II после Литургии

¹ См.: *Степашкин В.* Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров, 2002. С. 97–98, 101–105.

в Серафимо-Дивеевском монастыре 1 августа 1991 года, — является самым значительным для духовного и нравственного обновления нашего Отечества. Радость нового обретения мощей великого угодника Божия, преподобного Серафима Саровского, дана нам для того, чтобы мы принесли покаяние, но одновременно и для того, чтобы дать нам духовную радость, призвать нас к духовному обновлению.

Недалеко то время, когда жил преподобный Серафим: он приходит к нам не как подвижник первых веков христианства, но как родной наш подвижник земли Русской, который здесь ходил, здесь молился, здесь ему явилась Препоблагословенная Дева Мария, здесь он принимал приходящих к нему, принимал с радостью и присущей ему любовью. Он учил нас стяжать благодать Святого Духа, которая освящает, спасает и укрепляет каждого, кто с верой и упованием обращается к Богу»².

Духовный облик преподобного Серафима Саровского близок всякому из нас, возможно, еще и потому, что каждый находит в нем что-то особенно важное и поучительное для себя лично, для своих индивидуальных внутренних устремлений. Высота его аскетических подвигов остается живым, вдохновляющим примером для всех подвижающихся в монашестве, а необыкновенные простота, любовь и милосердие в его обращении с ближними, дары исцеления и прозорливости притягивали и продолжают притягивать к нему огромное количество мирян, искренне верующих в скорую помощь и заступничество пред Богом угодника Божия. Говоря словами святого апостола Павла, преподобный Серафим *для всех... сделался*

² Там же. С. 106.

всем, чтобы спасти (1 Кор. 9, 22), и забота его о благе ближнего поистине не знала границ. Так, по выходе Преподобного из затвора и с началом приема паломников, на что великого старца (уже в конце его подвижнического пути, за восемь лет до кончины) благословила Божия Матерь, число его ежедневных посетителей доходило порой до двух тысяч, а в праздничные дни — и до пяти тысяч человек, которых он принимал или в монастырской келье, или в своей так называемой «ближней пустыньке», приблизительно в трех километрах от Саровского монастыря.

По мнению подвижника благочестия нашего времени, известного старца, архимандрита Иоанна (Крестьянкина), «почти тридцатилетнее удаление преподобного Серафима от людей до выхода его на путь общественного служения» было тем «сверхчеловеческим подвигом», которым «приутоплялся великий старец по Промыслу Божию и под неизменным покровом Божией Матери к высшей форме христианской добродетели — старчеству, представлявшему собой поистине полное сораспятие Христу»³. Исходя из своего собственного духовного опыта, отец Иоанн (Крестьянкин) говорит о старчестве преподобного Серафима, как о самом главном, трудном и недостаточно оцененном его подвиге: «Непомерный же подвиг ежедневного соприкосновения с самыми глубинами различных человеческих сердец, нередко погрязших в ужаснейших пороках, постоянный отказ от привычной сладости созерцательной духовной жизни, подвиг, абсолютно невоз-

³ *Иоанн (Крестьянкин), архим.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2008. С. 41.

можный без постоянной, непрекращающейся ни на миг помощи Божественной благодати, — этот подвиг, как это ни поразительно, остается недостаточно оцененным с чисто субъективной стороны как труд, поистине превосходящий непомерные труды столпничества, молчаличества и затвора»⁴.

Воспоминание об этих превышающих человеческое разумение подвигах преподобного Серафима, венцом которых явилось старчество, чтение его боговдохновенных, согревающих душу заветов и наставлений и, наконец, посланная нам Господом благодатная радость поклонения его цельбоносным мощам, еще 20 лет тому назад считавшихся утерянными, да сподвигнет и нас к жажде духовного делания, поможет возжечь в наших душах огонь ревности о Боге и богоугодной жизни, огонь любви и сострадания к ближним, который так ярко горел в душе великого старца и без которого христианин не может именоваться христианином.

«Не забывай нас, радости наша, отче Серафиме, восхваляющих и чтущих святую память твою»⁵.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Стихира на литии, глас 1-й, из последования вечерни, служба преподобному Серафиму Саровскому.

1991 год. Москва. Встреча честных мощей прп. Серафима

*Поклонение мощам прп. Серафима
в Богоявленском соборе, что в Елохове*

*1991 год. Святые мощи прп. Серафима
в Дивеевской обители*

Народное почитание прп. Серафима

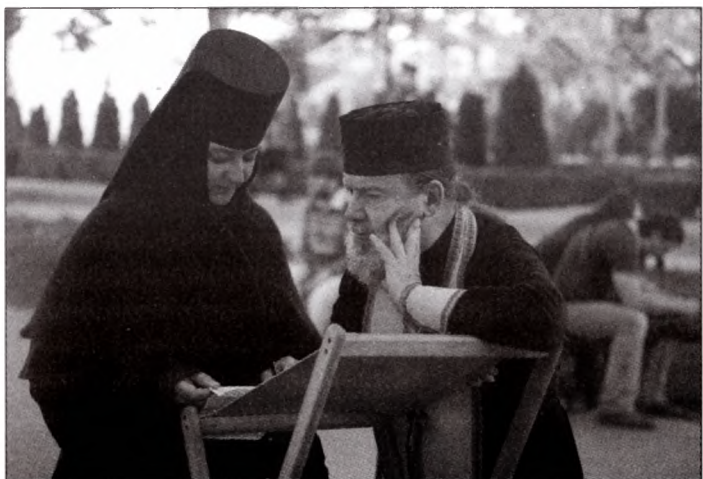
*Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь.
Современный вид*

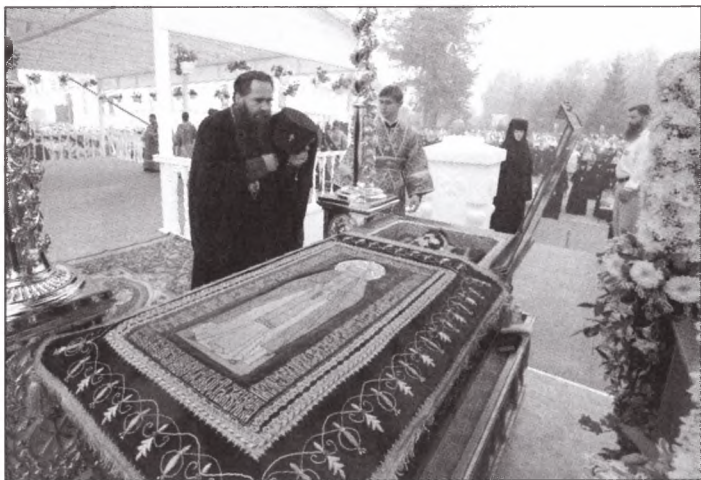
Святая канавка

Исповедь на площади Серафимо-Дивеевского монастыря

Спасительное покаяние

Молитва у святых мощей прп. Серафима

На празднике в монастыре

2010 год. Патриаршее богослужение

Хор сестер Дивеевской обители

Саровская пустынь. Молитва при. Серафиму

Молитвенное правило

«НЕТ НАМ ДОРОГИ УНЫВАТЬ!..»

Двадцать лет на острие меча

Перечитывая сегодня, через двадцать лет, записи, которые были начаты прямо там, в Дивееве, в дни празднования второго обретения святых мощей преподобного Серафима, вспоминаешь то особое чувство, с которым мы ехали на торжества и жили там. Мы готовы были к тому, что на наших глазах сейчас может произойти любое чудо. А вдруг воскреснет батюшка Серафим, как он и предсказывал? Ведь все же его предсказания сбылись... И произойдет чудесное обращение всего мира к Православию. А потом, может, и конец всему?..

Этого не произошло?

Да, такого, зримого, пока не произошло. Но чувство это было верное. Это было событие Небесное — когда в нашу земную жизнь вошел своими святыми мощами преподобный Серафим, призвал нас к сугубой молитве, к покаянию, к стяжанию Духа Святого, духа мира.

Жизнь наша земная — это действительно чудо Небесное. Небо живет с нами, ходящими по земле, все время, стараясь наши души подготовить к вечной радости с Воскресшим Христом. И незримые чудеса не менее важны, чем зримые.

1991 год — год в нашей истории важный. Год неоднозначный — впрочем, как и вся жизнь всегда.

С одной стороны, шло духовное возрождение. Освобождение от монополии коммунистической, безбожной идеологии, которая безоговорочно считалась единственно приемлемой для государства, для народа три четверти века. Как тогда говорилось, совершалось Второе Крещение Руси: батюшки крестили детей и взрослых не покладая рук... Люди стали приходить в храм.

С другой стороны — шел распад страны. Распад армии, развал экономики, науки, общественных устоев. Нравственная, продовольственная, историко-культурная, информационная, оккультная, образовательная, психологическая, наркотическая война против народа.

Опять нужна была жертва для освобождения от духовного плена — как и семьдесят лет назад, в 1941 году?

Плата — высочайшая. Но выше духовного освобождения нет ничего. Так же, как душа человека всегда важнее тела.

Поэтому нужно ценить духовную свободу превыше всего. И прежде всего — веру православную.

И еще. Читаешь — и удивляешься: как будто сегодня написано. Ничего, по сути, за это время не изменилось в нашей жизни — словно растянутые на два десятилетия дни? А ведь мы жили ожиданием именно великих изменений, великого обновления всей нашей жизни...

А может, действительно растянутые, прибавленные — ради той задачи, которую поставил нам Господь. И нами еще не выполненной. А Господь, слава Богу, терпит, помогает, надеется на нас... И это, может быть, и есть главное чудо, великая милость Божия к нам. Ведь всё могло быть совсем

иначе и в 1991-м году, и в 1993-м, и в любой год и день из этих двадцати лет.

Это, может быть, очень много, гораздо больше, чем мы знаем, видим — то, что Господь все еще ждет, все еще не махнул на нас рукой, принимает и то, что было сделано за эти годы, словно бы закрывает глаза на несделанное, а то и испорченное нами. Его явно кто-то об этом просит...

Кто?

Конечно же, Матерь Божия. Конечно же, русские и все святые. Он слышит, конечно же, и наши малые молитвы.

Сколько молитвенников прибавилось на Руси — и всё прибавляется! В том числе благодаря тем скорбям, которые не отходят от нас.

То дарованное нам двадцать лет назад с Небес чудо, та особая благодать — это ведь было для всего народа. А в народе люди стояли и стоят на разном расстоянии от храма. И Господь всё медлит, всё ждет: пусть еще кто-то войдет, пусть еще кто-то окрестится, покается, обвенчается, оживет душой...

И слава Богу!

Сколько вошло в храм за это время людей! И входит, и оживает... Сколько было отслужено Литургий, сколько крестных ходов прошло по Русской земле, сколько на ней построено, украшено храмов для прославления Его святого имени, сколько крестов вознеслось над ними в наши небеса, сколько новых крестиков надето старым и новорожденным, омытым за это время в купели Крещения... Сколько пришло первый раз на Исповедь, ко Причащению, обвенчалось — уже и с седыми волосами... Сколько добрых книг напечатано, прочитано... Это чудо — это наша обычная жизнь все эти два десятилетия.

«На острие меча» — так назвал состояние страны двадцать лет назад насельник Троице-Сергиевой Лавры иеросхимонах Моисей (Боголюбов; †1992).

Можно ли жить на острие меча? Да еще два десятилетия?

По-человечески — невозможно.

А мы живем.

Мы живем чудом. Силой Божией, милостью Божией.

Такова особенность России, Дома Пресвятой Богородицы. Чудо Божие — наша повседневная жизнь.

Мы живем, как говорил другой лаврский старец, архимандрит Тихон (Агриков, в схиме Пантелеимон; †2000), в прибавленное время.

Да, такого массового прихода людей в Церковь, о котором мечталось, увы, не произошло. Да и не могло, видимо, произойти так быстро — после эпохи безбожия. Слишком стремительное духовное восхождение человека может быть и непрочным, перестройка души на Евангельский строй — дело многих, долгих трудов. Пример неустанного духовного труда тоже дал нам преподобный Серафим. «Он здесь, в Сарове, — говорил недавно Святейший Патриарх Кирилл, — явил великую силу духа человека, который стяжает подобие Бога, который все свои силы направляет на то, чтобы жить в Боге и с Богом...»

Враг рода человеческого тоже все эти годы не дремал, изо всех сил сопротивлялся духовному просвещению народа, христианскому воспитанию детей, противопоставляя ему свои соблазны, свою идеологию. Сегодня люди приносят, слава Богу, детей крестить в храм, но часто их потом не видишь здесь уже никогда. Несмотря на все

теперешние возможности, нередко оказывается, что они ни разу не открывали Евангелие, далеки от духовной жизни, и главный вопрос, который задают перед великим Таинством, — это: можно ли фотографировать?

А Господь всё медлит, всё зовет нас к Себе...

Его оружие — терпение. И это есть чудо Его любви.

Всё Господь знает, всё видит. Не упуская ничего из виду, творит Свою милосердную спасительную волю.

А как же зло? А зла-то сколько за это время было...

Господь и про это знает. Но только для Него главное — добро. Он, как известно, ради десяти праведников готов помиловать город. И милует...

Мы ждали тогда чудес от Бога: сейчас Он повернет нашу жизнь, преобразит, стряхнет с нее всю ее шелуху, всю неправду, страна вернется на свой традиционный исторический путь...

А Бог хотел, чтобы и мы трудились — уже и тогда воцерковленные.

Это — доверие к нам Бога. Господь хочет, как всегда, лучшего для нас — а не более скорого и более легкого. Хочет, чтобы и мы шли к Нему — а не только Он к нам. Дает нам возможность стать лучше.

Так бывает у женихов и невест, когда Господь в их жизнь вдруг вносит чудо любви (как в нашу жизнь внес чудо веры) — дает им это счастье, без их труда. А потом — раньше или позже, больше или меньше — отступает. Словно говорит: «А теперь трудитесь сами». Им предстоит долгий семейный подвиг... Море терпения, смирения, великий молитвенный, покаянный труд... Подготовка душ в Царство Небесное.

Так детей учат ходить. Сначала поддерживают, а потом начинают отпускать: чтобы они окрепли, встали на ноги, пошли сами — хотя и под любящим родительским взглядом.

Мы все тогда были женихами и невестами! И малыми детьми...

Всё может Господь, но ждет от нас нашего движения к Нему. Ждет эти двадцать лет именно этого.

А Он не замедлит откликнуться — откликается! — на каждый наш шаг, даже на намерение идти. И дал нам в эти великие двадцать лет — да, великие, небывалые в русской истории, которая прежде всего — духовная, — так много, как доселе, может быть, и не бывало — кто это измерил?..

Оказалось, что нам предстоял путь неблизкий. И непростой. И еще, видимо, предстоит...

Ведь мы еще не пришли, мы только идем к тому, что великое совершается внутри: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Потому, может, Господь не давал нам внешних результатов, которых бы нам хотелось видеть.

Господь не давал, не дает нам державного возрождения, потому что мы никак не поставим духовное на первое место в жизни — а именно такова, видимо, Божественная задача для России на эти годы.

Не к этому ли призывал нас преподобный Серафим: «Радость моя, стяжи дух мирен — и вокруг тебя тысячи спасутся»?

Не в этом ли суть того Небесного события, на которое мы взираем сегодня с расстояния двадцати лет?

2011 г.

1991 год — год второго обретения святых мощей преподобного Серафима Саровского, всея России чудотворца. Божественная поэзия русской истории, в которой нет ничего случайного, бессмысленного, бесполезного, раскрывается ныне на наших глазах, в скорбях и радостях сегодняшнего дня.

Очевидно, в Небесной, Торжествующей Церкви преподобный Серафим имеет особое слово в определении окончательного Промысла Божия о судьбе России, а значит и всего мира. Недаром первое и второе обретения его святых мощей связаны с двумя важнейшими поворотными моментами в истории Отечества.

Нечаянная радость декабря 1990 года

Неожиданное обретение святых мощей преподобного Серафима Саровского, которое произошло в конце 1990 года в Санкт-Петербурге, — это была радость, это было и предупреждение. Каждый православный человек знает, что духовником земли Русской было предсказано: перед концом времен он воскреснет плотию и начнет проповедь вселенского покаяния.

Покаяние нам необходимо прежде всего в том, что мы перестали верить в главное событие человеческой истории — Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, во всеобщее воскресение из мертвых.

Воскресение Христово даровало всем право верующим в Него и стремящимся жить по Его заповедям возможность жизни вечной. Благодаря тому, что Второе Лицо Пресвятой Троицы, Богочеловек Иисус Христос волею взошел на Крест, был распят за наши грехи и воскрес, всем нам, недостойным вечной жизни, любовью Божией, Его неизреченным Подвигом дарована возможность

после смерти не уйти в вечный мрак, но спастись для вечного блаженства с Богом. Без этой веры мы не можем надеяться на милость Божию в день Его Второго Пришествия и Страшного Суда, на воскресение с Ним. Без этой веры мы не воспринимаем истинно ни себя, ни мира, искажается вся наша жизнь.

То, что мы живем в особые, апокалипсические времена, то, что евангельские слова *близ есть, при дверех* (Мк. 13, 29) относятся к нам как ни к кому другому из живших на земле людей, это стали чувствовать даже и неверующие — уже на года считают, сколько осталось нам леса, топлива, воды, воздуха для жизни... Верующие люди и подавно — видят все признаки последних времен, об этом говорит духовенство, говорят старцы.

Но при этом мы видим возрождение, открывающиеся храмы, монастыри, коих у нас на Руси, действующих, уже около ста двадцати... Возрождение тоже предсказано — для последних времен.

Очевидно, нам дается великая, всемилостивая возможность для спасения — войти в открытые двери храма теперь, в последний час, ибо Господь, по притче евангельской, и в одиннадцатый час примет тех, кто к Нему всем сердцем обратится — наравне с теми, кто был с Ним все время неотступно (ср.: Мф. 20, 6—16).

«Мы, на земле живущие, — говорил преподобный Серафим, — много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во святую четырехдесятницу, и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас

вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна, и врагам страшна и непреодолима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правды: сих врата ада не одолеют».

Преподобный предсказывал: «До рождения антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты разинский, пугачевский, французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...»

Ныне мы можем сказать о том, сколь важно для судьбы нашей Родины и мира было обретение мощей преподобного Серафима и поклонение им в граде святого апостола Петра (городу вскоре вернулось его имя), в Москве, на всем пути шествия их в Дивеево и наконец в самом Четвертом Уделе Божией Матери.

Для израненной нашей Родины, матушки России, те летние дни были самыми, пожалуй, целительными за всю ее последнюю историю. Не в распрях, спорах, выборах с их напряженной, раскалывающей общество предвыборной борьбой, с крикливыми обещаниями, не в мнимых победах одних над другими — но в почитании истинно высокого, святого, родного оживает душа народа, создается его теплое единство, собирается в нем новая духовная сила.

Борьба безбожных сил (коммунистической, демократической и т. д.) друг с другом и победа одной из них — это не столь важное дело, как возвращение веры к нашему народу, возрождение Святой Руси. Тут ни танками, ни демонстрациями ничего не сделаешь, это возрождение может произойти только в нашей душе. Нужен духовный труд, обращение к Богу, к храму, к молитве, к чтению слова Божия, Святых Отцов. Тогда Россия действительно возродится. И в этом у нас есть могучая поддержка: Сам Господь, Матерь Божия, преподобный Серафим, вся Небесная торжествующая Церковь Христова.

Значение того, что произошло в те дни, невозможно охватить нашим повседневным умом. Но мы, милостью Божией, видели это совершенно необычайное движение народа. Видели еще в Москве эту бесконечную вереницу людей, которые шли и шли к Богоявленскому патриаршему собору, что в Елохове. Поток людей к раке с мощами великого старца не прекращался ни днем ни ночью. Люди, можно сказать, жили в соборе, напоминая Русь времен татарских и прочих нашествий, когда наши соотечественники находили в храмах, у икон пристанище и спасение. Напоминая Русь, всю исхоженную богомольцами, стремившимися к ее святыням, которые она хранила в себе, которые и освятили ее, сделали Святой Русью.

«Наступило время прославления...»

Первое обретение мощей и всенародное прославление преподобного Серафима состоялось в такие же летние дни 1903 года. «В присутствии Государя и Царской Семьи, вдовствующей

Императрицы Марии Феодоровны, а также многих других Членов Императорской Фамилии, при участии многочисленного духовенства и при огромном стечении паломников, — писал Е. Е. Алферьев в книге “Император Николай II как человек сильной воли” (Джорданвиль, 1980), — в Саровскую пустынь, расположенную среди густых лесов Тамбовской губернии, в сотне верст от ближайшей железной дороги, собралось со всех концов России не менее трехсот тысяч человек, главным образом крестьяне, громко приветствовавшие Царя. Перенесение мощей преподобного Серафима из Зосимо-Савватиевской церкви в Успенский собор состоялось 18 июля, на второй день торжеств прославления. Гроб несли Государь, Великие Князья и архиереи. Это было уже вечером; по обе стороны шествия стояли густые ряды молящихся с зажженными свечами...»

Это событие, как и многие другие, задолго было предсказано великим старцем. «“И какая радость-то будет, но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет!.. — говорил он одной из дивеевских сестер. — Среди лета запоют Пасху, радость моя. Приедет к нам Царь и вся Фамилия!.. А как Царская Фамилия приедет к вам, матушка, то выйдите за Святые-то ворота, да распахните их широко-широко, да низко-низко поклонитесь до земли, да и скажите: покорно просим пожаловать, покорно просим...” — и Батюшка сам три раза низко до земли поклонился».

Алферьев писал:

«Саровские торжества укрепили в Государе веру в его народ. Он видел вокруг себя, совсем близко, несчетные толпы, охваченные теми же чувствами, как и он, трогательно выражавшие ему свою преданность. Он видел и крестьянство, и духовенство,

и дворянство, и ему не могло не казаться, что та смута, которая тревожила его за последний год, — это всего лишь наносное, внешнее, чисто городское явление, тогда как сердце России еще здорово и бьется заодно с сердцем своего Государя.

Еще более сильное впечатление произвели саровские дни на Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Она никогда не видела ничего подобного, никогда не была свидетельницей такой горячей, пламенной веры, никогда не участвовала в таких грандиозных народных церковных торжествах, никогда не испытывала и не переживала такого высокого духовного подъема. Здесь подтвердились незабвенные слова и доводы, которые она слышала от Цесаревича незадолго до своей помолвки, — слова и доводы, которые устранили все ее колебания в вопросе перемены религии и присоединения к святому Православию и преобразили весь ее духовный мир.

В дни прославления преподобного Серафима Саровского Царь и Царица воочию убедились в том, что они составляют одно неразрывное целое с толщей великого русского народа и что если на пути их общих стремлений к тесному сотрудничеству в деле устройства государственной жизни встречаются помехи, то вызываются они искусственно созданным средостением, состоящим из чуждых элементов. В Саровской пустыни перед ними раскрылась наяву дивная своей духовной красотой картина подлинной Святой Руси».

В 1926 году князь В. М. Волконский вспоминал:

«Хорошо было — очень! Как же не хорошо, когда мордва, татары, министры, бабы, придворные мундиры, грязнейшие зипуны, наряднейшие дамы, почти потерявшие человеческий облик кликуши, рваное торбище и последняя “модель”

Ламоновой — все это было вместе, и вы не чувствовали неловкости, не замечали разницы — ее просто не было; были разные переплеты, а содержание то же самое...

Государь свободно ходил всюду: по отношению к нему народ был трогателен...

Все, что Государю пришлось увидеть и почувствовать в Сарове, осталось у него глубоким и хорошим воспоминанием; он любил о нем говорить; я слышал от него фразу: “Когда вспоминаешь о Сарове, как-то тут захватывает”, — и показывал на горло».

Важнейшую роль в прославлении давно уже почитавшегося всей Россией чудотворца сыграл наш замечательный соотечественник, о котором, к сожалению, мы слишком мало знаем, но портрет которого можно было увидеть в эти дни в Дивееве, в Троицком соборе, со свечами и цветами перед ним, — митрополит Ленинградский Серафим, расстрелянный в 1937 году, автор замечательной «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» в девятьсот без малого страниц и акафиста преподобному Серафиму, который непрестанно читается и ныне.

Владыка Серафим, еще будучи полковником артиллерии Леонидом Михайловичем Чичаговым, стал близким духовным чадом святого праведного Иоанна Кронштадтского, в духовном послушании которому был почти тридцать лет. Происходил он из знаменитой дворянской семьи: правнук адмирала В. Я. Чичагова, одного из первых исследователей Ледовитого океана, внук П. В. Чичагова, морского министра России, видного участника Отечественной войны 1812 года. Леонид Михайлович имел от генерала Скобелева награду за храбрость при взятии

Плевны в русско-турецкую войну. Его медицинский опыт был так велик (свыше двух тысяч пациентов), что он написал двухтомный труд «Медицинские беседы» (в своем лечении опирался на народный опыт). Став священником, окормлял в Москве воинов. (То, чего как воздуха не хватает сегодняшней нашей армии.) Однажды с ним произошел случай, о котором сам он рассказывал:

«Когда после довольно долгой государственной службы я сделался священником в небольшой церкви за Румянцевским музеем, мне захотелось съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преподобного Серафима, тогда еще не прославленного, и когда наступило лето, я поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посещал все места, где подвизался преподобный Серафим. Оттуда перебрался в Дивеевский монастырь, где мне очень понравилось и многое напоминало о дивеевских сестрах. Игуменья приняла меня очень приветливо, много со мной беседовала и, между прочим, сказала, что в монастыре живут три лица, которые помнят Преподобного: две старицы-монахини и монахиня Пелагея (в мире Параскева, Паша). Особенно хорошо помнит его Паша, пользовавшаяся любовью Преподобного и бывшая с ним в постоянном общении. Я выразил желание ее навестить, чтобы услышать что-либо о Преподобном из ее уст. Меня проводили к домику, где жила Паша. Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она была очень старая и больная), воскликнула:

— Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю: преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей и прославления.

Я ответил Паше, что по своему собственному положению не могу быть принятым Государем и передать ему в уста то, что она мне поручает. Меня сочтут за сумасшедшего, если я начну домогаться быть принятым Императором. Я не могу сделать то, о чем она меня просит. На это Паша сказала:

— Я ничего не знаю, передала только то, что мне повелел Преподобный.

В смущении я покинул келью старицы...

Вскоре я уехал из Дивеевского монастыря и, возвращаясь в Москву, невольно обдумывал слова Паши. В Москве они опять пришли мне в голову, и вдруг однажды меня пронзила мысль, что ведь можно записать все, что рассказывали о преподобном Серафиме помнившие его монахини, разыскать других лиц из современников Преподобного и расспросить их о нем, ознакомиться с архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря и заимствовать оттуда все, что относится к жизни Преподобного и последующего после его кончины периода. Привести весь этот материал в систему и хронологический порядок, затем этот труд, основанный не только на воспоминаниях, но и на фактических данных и документах, дающих полную картину жизни и подвигов преподобного Серафима и значение его для религиозной жизни народа, напечатать и поднести Императору, чем и будет исполнена воля Преподобного, переданная мне в категорической форме Пашей. Такое решение еще подкреплялось тем соображением, что Царская Семья, как было известно, собираясь за вечерним чаем, читала вслух книги богословского содержания, и я надеялся, что и моя книга будет прочитана...

Когда летопись была окончена, я просматривал корректуру последней, это было поздно вечером,

внезапно увидел налево от себя преподобного Серафима, сидящим в кресле. Я как-то инстинктивно к нему потянулся, припав ко груди, и душу мою наполнило неизъяснимое блаженство. Когда я поднял голову, никого не было. Был ли это кратковременный сон или действительно мне явился Преподобный, не берусь судить, но я понял это так, что Преподобный благодарил меня за исполнение переданного мне Пашей его повеления. Остальное известно. Я понес свой труд Императору, что, несомненно, повлияло на решение прославления преподобного Серафима.

Вскоре я овдовел и принял монашество с именем Серафима, избрав его своим небесным покровителем».

Почти весь Синод был против открытия мощей старца Серафима. Однако Государь, при поддержке немногих единомышленников, был решителен. «Говорили сестры, будто бы Преподобный и сам явился Государю, после чего тот уже своей властью настоял на открытии мощей», — вспоминала монахиня Серафима (Булгакова). На архимандрита Серафима (Чичагова) была возложена подготовка к торжествам прославления святого, по окончании которых Государь лично наградил его драгоценной митрой.

Святая находка

Святые мощи преподобного Серафима почитались богомольцами в Саровской пустыни.

В 1920 году безбожной властью было совершенно их вскрытие. Мощи поместили в стеклянную раку, опечатали и выставили на всеобщее обозрение. В 1927 году, после закрытия монастыря, их увезли в неизвестном направлении.

Как стало ясно теперь, мощи в конце концов были доставлены в Казанский собор Ленинграда, в Музей истории религии и атеизма. Видимо, сразу после прибытия в музей они были укрыты чьими-то благочестивыми руками, потому что ни в каких описях и списках не числились.

Все эти годы православные верили, что где-то мощи преподобного Серафима есть и рано или поздно откроются. «Будет день, когда снова над бором раздастся благовест Саровского соборного колокола, — писал в тех же воспоминаниях 1926 года князь Волконский, — снова свободной волной потекут к Старцу богомольцы, и проснет-ся в душе каждого такое что-то, что каждому при встрече захочется рассказать про “радость свою”, и будет радость общая, и запоют все, не боясь никого, на всю Россию: “Святой Отче Серафиме, моли Бога о нас”».

Приближался 1991 год. Из Музея истории религии и атеизма города на Неве нашей Церкви уже были переданы мощи святого благоверного князя Александра Невского, преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких...

О дальнейших событиях епископ Истринский Арсений (Епифанов)⁶ рассказал в газете «Московский церковный вестник» (1991, № 14 (59)):

«При передаче святых останков соловецких преподобных директор официально сообщил, что в фондах музея мощей больше нет, кроме частиц в иконах, которые предполагается возвратить в храмы. Но чудо Божие произошло там, где мы его не ждали.

⁶ Ныне архиепископ Истринский, викарий Московской епархии.

Неожиданно позвонил С. А. Кучинский (директор музея. — *Авт.*). Мы договорились о встрече, и он приехал ко мне. Станислав Алексеевич сообщил о том, что после решения о возвращении Церкви Казанского собора, в котором размещался музей, началось освобождение запасников. Стали передавать храмам иконы, Евангелия, различные богослужебные предметы. И вот в одном из запасников, среди гобеленов, были найдены завернутые в рогожу останки, по-видимому какого-то святого. В описи они не значились. Когда рогожу развернули, увидели мощи с надетыми на руки рукавичками. На одной было вышито: “Преподобне отче Серафиме”, на другой — “моли Бога о нас”.

Сказанное директором музея было поразительно, но это еще не давало основания утверждать, что найдены мощи преподобного Серафима Саровского. О находке я сообщил Патриарху, и Кучинский повторил ему свой рассказ. Патриарх Алексей II благословил прежде всего найти в архивах документы, связанные с мощами преподобного Серафима, сохраняя все в тайне до тех пор, пока не будет уверенности в том, что это мощи действительно Преподобного.

На поиски документов ушло некоторое время. Наконец, из Российского центрального архива были получены копии документов и акты, связанные со вскрытием мощей преподобного Серафима после революции.

По благословиению патриарха Алексия II мы с архиепископом Евгением⁷ отправились в град святого Петра и прибыли туда накануне дня

⁷ Архиепископ Евгений Тамбовский и Мичуринский, в 2001–2002 также Нижегородский и Арзамасский (Ждан; †2002).

памяти святителя Спиридона Тримифунтского (12/25 декабря). Помнится, я мысленно молился святителю Спиридону, прося его помощи в том, что нам предстояло сделать.

Наконец, мы приехали в Казанский собор, нас провели в комнату, куда принесли длинное ложе, покрытое толстой синей бумагой, под которой в какой-то материи и вате находились останки святого. Когда сняли бумагу, мы увидели, что святые мощи составлены в скелет, во весь рост. Первым бросилось в глаза то, что на мощах надет медный крест на цепочке, и рукавички с вышитой на них молитвой “Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас”.

Не знаю, что испытал в этот момент владыка Евгений⁸, но меня объял благоговейный трепет, было такое состояние, когда не знаешь, что делать дальше. Но прошло минутное оцепенение, я подготовил акты, а владыка Евгений начал осматривать святые мощи, которые мы стали сопоставлять с документами, подробно описывающими останки преподобного Серафима Саровского.

Надо сказать, что с самого начала мы были поражены тем, насколько точно все совпадает с актом вскрытия мощей в 1920 году.

Описание начиналось с того, что Преподобный лежит на зеленой подушечке. Действительно, на ложе — зеленая муаровая подушечка, на которой покоится голова Преподобного. Далее отмечалось, что в одной из челюстей находится единственный зуб; следовало упоминание о рукавичках;

⁸ Архиепископ Евгений вспоминал: «Когда мы сняли липкую ленту, прикреплявшую бумагу к столу, то воздух наполнился благоуханием, похожим на то, которое я чувствовал при открытии и освидетельствовании мощей святителя Питирима Тамбовского».

приводилось количество позвонков и указывалось при этом, что некоторые из них разрушены; описывались бедренные кости; уточнялось, что одна ступня как бы пришита или прикреплена, подобно сандалии, а вторая отсутствует. То есть при сравнении мощей, найденных в музее, с актом вскрытия святых мощей преподобного Серафима Саровского было очевидно, что все полностью совпадает и никаких отличий нет. Единственное, что косточки располагались не в том порядке, как описывалось в документе. Но это и не удивительно, так как мощи хранились в рогоже.

Рассмотрев ближе крест, бывший на мощах, мы увидели, что он действительно медный, с несколько поврежденным эмалевым покрытием. Когда сняли куколь, надетый на голову, меня очень поразило светлое, даже белое пятно на лобной части. Оно значительно отличалось от желтовато-коричневатого цвета мощей. В куколе было отверстие, обрамленное, видимо, раньше золотой или серебряной отделкой, теперь оторванной. Оставались лишь нитки, прикреплявшие ее. Видимо, эта часть мощей была открыта и доступна для поклонения верующим, благоговейно чтившим преподобного Серафима.

В куколе с внутренней стороны сзади сохранилось много желтовато-седых волосиков Преподобного. Целы были и значившиеся в описи глазетовые шитые золотом поручи. Они и сейчас на мощах. Не хватало лишь епитрахили. Уже позже для облачения мощей сшили новую.

Сложно передать чувство, которое я тогда испытывал: особое благоговение и вместе с тем неопишуемое внутреннее напряжение от сознания, что рядом — необыкновенное, великое сокровище.

Когда освидетельствование закончилось, святые мощи снова закрыли бумагой, перенесли в особую комнату и опечатали ее.

Мы сразу поехали в епархиальное управление, откуда позвонили Патриарху, сообщили о том, что это, несомненно, мощи преподобного Серафима, и поздравили Святейшего с великой радостью.

Теперь предстояло решить вопрос о торжественном перенесении мощей преподобного Серафима. Необходимо было объявить об их обретении и уточнить дату официальной передачи.

С 25 декабря (дня освидетельствования святых мощей) до 10 января были оформлены все документы, получено разрешение Министерства культуры, в ведении которого находится музей истории религии, была сделана рака и сшито новое облачение для мощей преподобного Серафима. Это определило дату официальной передачи святых мощей — 11 января 1991 года.

Накануне этого дня владыка Евгений, я и клирики Свято-Троицкого собора совершили облачение и положение в раку честных мощей. Сначала новые облачения и рака были освящены, и, помолившись, мы приступили к убранию мощей Преподобного. Мой иподиакон читал акафист, а мы отирали косточки святой водой, а затем освященным елеем от Гроба Господня. Причем, когда омывали главу преподобного Серафима, снова привлекло внимание белое пятно, заметно выделявшееся на общем фоне, — след благоговейного поклонения святым мощам.

На следующее утро во град святого Петра прибыл Патриарх. Днем, к четырем часам, владыка Евгений и я приехали в Казанский собор, где шла подготовка к передаче святых мощей. По прибытии в собор Святейшего Патриарха Алексия II

и всех архиереев, принимавших участие в торжестве, под тихое пение величания Преподобному его святые мощи были перенесены в центральную часть собора. Сразу начался молебен преподобному Серафиму, после которого Святейший Патриарх и директор музея подписали акт передачи мощей Русской Православной Церкви.

С. А. Кучинский преподнес Святейшему Патриарху образ преподобного Серафима Саровского. Уже позднее, рассмотрев икону, мы увидели, что она весьма необычна. Образ написан как бы в виде плащаницы: преподобный Серафим изображен с закрытыми очами и сложенными на груди руками. В доске, на которой написан образ, были углубления, прикрытые слюдяными стеклышками. Потерев их, мы увидели, что в верхней части иконы, над нимбом, находятся волосы Преподобного; в середине, в груди — частица мощей, в нижней части, под ногами — частица то ли обуви, то ли гроба (я не рассмотрел точно); в левой части иконы, где изображена мантия, — кусочек одежды преподобного Серафима.

После завершения акта передачи святые мощи на убранной ковром и украшенной цветами машине были доставлены к Александро-Невской Лавре, где уже собралось духовенство и множество народа. Пропев тропарь и кондак преподобному Серафиму, все запели: «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...» Патриарх на четыре стороны благословил град святого Петра иконой, подаренной директором музея. Вслед за этим, под звон лаврских колоколов и молитвенное пение народа, при всеобщем духовном ликовании святые мощи преподобного Серафима были внесены в Троицкий собор.

И сразу, непроизвольно, начался благодарственный молебен о возвращении святыни. Было

настолько необычно видеть, как Патриарх произносит ектенью, а духовенство с народом поет. Эта великая духовная радость сплотила и сблизила всех, так что все присутствовавшие в соборе «едиными усты и единым сердцем»⁹ пели благодарение Господу.

В Троицком соборе Александро-Невской Лавры святые мощи должны были находиться до дня памяти блаженной Ксении Петербургской (24 января/6 февраля). И все это время собор был с утра до вечера наполнен народом: люди шли и шли к Преподобному. Чувствовался необычайный духовный подъем, и становилось очевидным, насколько сильна любовь верующих к преподобному Серафиму.

Перенесение святых мощей на Московский вокзал для перевоза в Москву было назначено на 6 февраля. Вечером этого дня в алтаре Троицкого собора собралось множество духовенства. В соборе, до отказа наполненном народом, стоял предпраздничный гул — так бывает в пасхальную ночь, когда люди заранее приходят в церковь. Прибыл Святейший Патриарх. Он обратился с прощальным словом к верующим, благодаря их за усердие к Преподобному.

В десять часов вечера огромный крестный ход направился к Московскому вокзалу, куда в 23:10 должны были подать специальный вагон. Шли около часа. Но по каким-то причинам вагон был подан только без четверти двенадцать. И все это время перроны вокзала были заполнены народом. Не умолкало пение: “Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме”. Многие зажигали свечи, огоньки которых мерцали в зимних сумерках.

⁹ Из чина Божественной Литургии. — *Прим. ред.*

Когда состав тронулся, из окна последнего вагона можно было видеть, как люди вставали на колени и кланялись в сторону удаляющегося поезда, увозящего великую святыню...

В самом же поезде, в вагоне, где стояла рака с мощами, без всякой договоренности собрались архиереи и духовенство. Началось чтение акафиста преподобному Серафиму, продолжавшееся всю ночь, до самого прибытия поезда в Москву. Сначала читал Святейший Патриарх, а все присутствовавшие пели. Затем поочередно архиереи и священники...»

Наутро, 7 февраля 1991 года, огромные толпы народа встречали раку со святыми мощами в Москве. Это был день иконы Божией Матери «Утоли моя печали», день памяти всех жертв гонений на Церковь Христову, установленный в 1918 году Поместным Собором под председательством святителя Тихона и только теперь возобновленный. Уже тогда грандиозное шествие от площади трех вокзалов, заполненной встречающими, по Новорязанской улице к Елоховскому собору, с трехцветными флагами, которых еще в нашей жизни не было, с портретами Царя, с песнопениями, говорило о том, что происходит в нашей жизни нечто небывалое. Но это было лишь начало...

Всероссийский крестный ход

С зимы до середины лета мощи преподобного Серафима стояли в Елоховском соборе для поклонения. И вот 23 июля, под перезвон колоколов, в сопровождении Патриарха, архиереев и священников рака со святыми мощами выносятся из собора, обносится вокруг него и устремляется

в сторону центра. За ней — лавина заполнившего всю улицу народа, с пением молитв «Воскресение Христово видевше», «Верую», «Отче наш», с иконами святого, с горящими свечами. Здесь услышали мы в первый раз песню, которую пели, собравшись в кружок, с иконками Преподобного в руках, приехавшие из глубины нашей Родины богомолки — песню, которую сохранил народ о своем любимце, подвизавшемся в саровском лесу:

Там под сосной при дороженьке
Камень тяжелый лежал.
Старец ночами бессонными
Там на коленях стоял.
Лето и зиму холодную
Он, не смыкая очей,
Выстаивал волей свободною
Тысячу дней и ночей...

Вот в чем историческая развилка, вот в чем суть разделения, которое произошло в нашем народе — в понимании того, на что может быть обращена свободная воля. Одни волею остались верными Христу, Который сказал, что истинную свободу дает лишь свобода от греха, одоление наших страстей. А другие стали усматривать свою несвободу в чем и в ком угодно, только не в себе (с другими же бороться легче, чем с собой). И этот путь, безбожный, революционно-демократический, мог привести только в руки дьявола, к еще большей несвободе.

Рака со святыми мощами Преподобного была установлена в микроавтобус с большими окнами. Ее путь — в Дивеево, через Богородск, Орехово-Зуево, Владимир, Боголюбово, Нижний Новгород, через леса и поля... Впереди на крыше автомобиля ехала икона, и саровский старец, стоя во весь рост, благословлял тысячи людей, выходивших к нему

езде, где он проезжал, благословлял всю нашу новую, нарождающуюся, оживающую Русь.

На всем пути раку со святыми мощами сопровождал Святейший Патриарх Алексий II. На ночь на две рака с мощами останавливалась в местных соборах, и ночью и днем к ним шли и шли люди, совершались молебны, литургии, православные помазывались перед мощами освященным елеем, исповедовались и причащались Святых Христовых Таин.

Преподобный Серафим заповедовал не «пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь, по возможности, сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступить к искупляющему вся и всех святому Таинству.. Кто приобщается — везде спасен будет; а кто не приобщается — не мню», — говорил старец.

«Приобщаться Святых Христовых Таин, — сказал он протоиерею Василию Садовскому, окормлявшему дивеевских сестер, — заповедываю им, батюшка, во все четыре поста и двенадцатые праздники, даже велю и в большие праздничные дни; чем чаще, тем и лучше... Ты, духовный отец их, не возбраняй — сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы недостойн и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступить ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется!»

И затем — Арзамас.

Праздник народа

Когда я приехал в этот уютный русский город — из Москвы шесть с половиной часов поездом с Казанского вокзала, — радуясь: здесь нет нынешнего московского крикливого тленно-кооперативного духа, — святые мощи преподобного Серафима уже стояли в огромном Воскресенском соборе, построенном в честь победы в Отечественной войне 1812 года (внутри он напоминает триумфальную арку).

Соборная площадь была полна народа. И здесь, и потом в Дивееве была небывалая ярмарка русско-православной литературы, газет, икон, их продавали прямо с автобусов, на которых приехали книгопродавцы с паломниками.

— Отцу Серафиму! — с этими словами просили передать свечи на Литургии, которую служил Патриарх, и это было непривычно. Обычно мы говорим: «преподобному». Но здесь чувствовалась память о бывавшем в этом городе, близком батюшке Серафиме.

«Преподобный Серафим есть нам почти современник, родной и близкий по земному отечеству, по языку и всему обычаю, — писал в 1933 году, к столетию со дня преставления саровского чудотворца, протоиерей Сергей Булгаков. — То дивно и знаменательно, что в наше время оказалось возможно его явление, — как и сам он всегда назидал, остерегая от заблуждения, будто лишь в древние, отдаленные времена могли восставать угодники Божии. Не словом только, но собою самым убеждает он, что Бог во все времена являет благодать Свою хотящим принять ее подвигами веры и любви, усилием сердца и воли... Пред наступлением великих, никогда еще не бывших испытаний для

веры послал Господь Родине нашей своего пророка, чтобы примером научить людей вере и молитве, явить для них в небе живущего Бога».

После Литургии прямо перед собором садимся на траве завтракать, чем Бог послал. Местные подходят, угощают — кто яичками, кто огурцами, кто хлебом. Святая Русь! На Руси всегда чтили странников, которые брали по весне котомку с Евангелием, с сухарями, да и в путь — к преподобному Сергию в Посад, в Киев (язык до Киева доведет!), а то и на Афон или даже в Иерусалим. Потом приходили к себе в село и рассказывали: что видели, как их принимали, как там молятся, как служат, какие там монахи, и приносили святыни тех мест: кто иконку святого, освященную на его мощах, кто флакончик драгоценного мира, кто водицы из святого источника, землицы...

Странников всегда и всюду принимали, кормили, ибо все это было общее Божие дело. Рядом со мной Михаил и Анна, крестьянская чета из мордовского села, Лидия из Сухуми, дети, звонко говорящие на украинском... Вечером мы с Михаилом подошли к собору, где нас ждала Анна, чтобы взять вещи и идти на ночлег в общежитие сельхозтехникума — там разместились знакомые паломники-москвичи, — и увидели удивительную картину.

Уже стемнело, но к собору плыла река огоньков — поднималась по ступенькам к сияющему на фоне темно-синего неба белоснежному собору: люди, по большей части молодежь, шли к Преподобному с зажженными свечами. И мы уже не ушли. Зажгли свои свечи, еще раз вместе со всеми приложились к мощам — и легли спать прямо в соборе, на деревянном полу.

Как и в Москве, в Елоховском, на полу здесь расположилось множество ночующих. Безногий

дяденька, нашедший здесь пропитание, отстегнул свою каталку, сполз с нее, лег на бочок и, пожелав с улыбкой спокойной ночи, уснул рядом.

Всю ночь батюшки, не зная усталости, читали акафист святому, и перед ракой стояли люди... Откроешь глаза — и не удержишься, встанешь, снова подойдешь: ведь шаг — и ты на молитве в храме! Да на какой!..

Старенький иеромонах Евстратий, закончив среди ночи акафист, сказал нам в тишине собора слово — о том, что мы — христиане только по названию, потому что в нас есть злоба. Если в нас есть злоба, неприязнь к людям, если мало в нас любви, то нам надо обращаться за помощью к преподобному Серафиму.

Он имел великий дар любви к каждому человеку, каждого встречал словами: «Радость моя». А ведь ему Господом был дан духовный дар видеть душу каждого человека со всеми ее немощами. Но любовь все покрывает, все лечит. Больше всего в нашей жизни не хватает любви. Поэтому к нам и пришел старец Серафим — учить нас любить друг друга, радоваться друг другу. А для этого нам нужно стяжать дар Духа Святого — именно в этом он видел главную цель жизни христианина, именно этому служат все наши дела и подвиги, для этого мы молимся, обращаемся к Таинствам Церкви.

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» — сказал о. Серафим иноку, — читаем в «Летописи...» — И тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому, или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем желающим идти

по спасительным стезям Христовым. Ибо *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а перед ним вся слава міра сего как ничто; все наслаждения мірские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях; там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвою и памятованием Господа.

«Вот я, убогий Серафим, — сказал старец инок, — для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца; во вторник от Марка; в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские; и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Чрез это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, от того, что я беседую с Господом, содержа в памяти моей жизнь и страдания Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному...

Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша (при этом он показал на свою келлию) была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его».

Здесь, в Арзамасе, на пресс-конференции патриарх Алексей II в слове о Преподобном сказал:

«Он был носителем особой любви к людям. И любовь он черпал в радости Воскресения Христова. Воскресение Христово — основа нашей веры. Преподобный Серафим был носителем этой пасхальной радости в течение всей своей жизни. Он учил: “У нас нет дороги унывать. Христос победил всё”.

Я убежден, что второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского в наши дни, когда у нас нетерпимость, противостояние, озлобленность, как никогда важно.

Тысячи людей встречали шествие святых мощей Преподобного. С верой в его молитву, с верой в его предстательство, в то, что он умирит нашу жизнь...

Важнейшая задача сегодня — избавить наш народ от разрушительного зуда. Очень много было у нас разрушено в этом веке. Теперь кажется, что надо продолжать разрушать — на этот раз то, что привело к разрушениям. Но по-настоящему разрушению противоположно только строительство.

Надо возрождать русскую деревню. И одна из форм возрождения ее — возрождение монастырей, где был высокий уровень сельского хозяйствования. Мы допустили разрушения — мы должны и восстанавливать. А надеяться на то, что заморский дядя придет восстановит — это не совсем честно. Нужно самим научиться работать. Я думаю, если мы научимся работать, мы решим наши проблемы».

Монастыри достигали поразительных успехов в агрономии, в мелиорации — ведь все делалось с молитвой, с любовью, с Божией помощью, и Господь вразумлял, открывал наилучшие приемы.

Понятно, что только в том случае, если народ наш снова обратится к Богу, устроится и земное наше хозяйство. Ибо главная цель Господа — спасение наших душ для жизни вечной. Именно в этом смысл всех Его уроков — чтобы мы соединились с Ним в вере. Без этого наша жизнь не могла устроиться и, разумеется, не устроится.

Мы проснулись в Воскресенском соборе рано утром — он уже наполнялся людьми. Служба транслировалась на всю площадь, разносилась по старым улочкам этого доброго города. И снова на улицу выходила очередь к святым мощам преподобного Серафима. И все росла, росла, заполняла уже площадь зигзагом, и люди терпеливо шли и шли...

Чувствовалось, что это событие для всех горожан. И это ясно ощущалось как чудо: то, что именно все — и те, кто, может, и в церковь-то вовсе не ходит — пришли. Пришли не просто посмотреть, но приложиться к мощам. Что-то произошло... Что-то помимо всех последних слов и событий. Что-то таинственное, в самой душе народа. Это не был обычный интерес к событию, пусть даже самому незаурядному. И то, насколько он был больше обычного, — это могло быть только чудом.

Чувствовалось общенародное, общерусское нечто. С другой, небывалой прежде целью собравшиеся люди. Они перестали делиться на верующих и неверующих, они снова стали русскими людьми — и этим все сказано. То, что мы почти потеряли. То, что нам нужнее всего.

Народ здесь как бы притих перед святыней. Уже и речи быть не могло о каком-то пустом, на ходу брошенном слове по отношению к ней. Народ, видимо, почувствовал, что у него больше ничего,

ничего нет — не на кого опереться. Те люди, которые только что были вроде бы хозяевами жизни, определяли ее смысл и мораль, оказались сами очень зыбкими в главных вопросах, никакой не опорой. Никто больше не защитит — только Бог. Какое богатство — эта оставленность всем мирским! Какая милость Божия к нам — эта обретенная правда!

Оживает жизнь. Строится заново, вся — ее уклад, ее дух. Начинается новая страница нашей истории, начинается исцеление, народ соединяется вокруг единственно верного ядра, которое и собирало, и хранило, и подняло Русь — вокруг веры православной.

Только вера наша всегда, во всех испытаниях спасала Россию. Таков, можно сказать, основной закон русской истории, непреложный и для нашего дня. Ну, а уж то, что враг рода человеческого мстит нам всякими скорбями за это, с трудом возвращающееся понимание, — так ведь ничего другого и нельзя было ожидать. Если бы этого не было, было бы подозрительно: а действительно ли у нас идет подлинное духовное выздоровление?

Со многими из нас произошло чудо. Разве могли мы думать лет десять—двенадцать назад, что будем в храм ходить, креститься, класть земные поклоны, прикладываться к мощам? Да не поверили бы!

Но нас вела сила непреклонная — милость Божия. Мы знаем, как мы, безумные, ей, всеблагой, противились — а она нас терпеливо вела: скорбями, болезнями, радостями, падениями... Как всю страну.

Рано утром по площади бабушка, сияя, вела внука лет восьми:

— Я-то вечером прикладывалась, а его — вот сейчас.

Бабушки, милые наши бабушки, неутоми-мо будившие нас, тянувшие за руку, как бы мы ни упирались, сохранившие нам веру, сохранившие всё...

Днем перед службой омовцы, которых власти поставили сюда охранять порядок, с удовольствием сфотографировались перед собором с ровесниками-казаками (ох, и красивая у казаков форма! — с их голубыми башлыками за спиной).

Когда этот казачий отряд поднимался чинно по ступеням и входил в собор, то не иначе как остановившись по двое с непокрытой головой, перекрестившись, поклонившись. Так что женщина, стоявшая рядом со мной в толпе, сказала: «Эх! Аж слезы в горле».

Но ярость противной силы велика.

4 июня 1988 года здесь, в Арзамасе, произошел взрыв на железной дороге, по милости Божией не ставший большей катастрофой. Все дома вокруг воронки были сметены. Мы видели эту пустоту, на которой стоит лишь памятник 91 человеку из искореженных остатков вагонов с циферблатом остановившихся часов.

На следующий день началось празднование 1000-летия Крещения Руси.

«Вся Россия возвращается к себе...»

Мы ехали на Дивеевские торжества с особым чувством: что, возможно, станем свидетелями величайшего чуда, которое предсказал Преподобный: его воскресения.

Мы знаем, что в этой жизни — целиком, по самой сути ее всегда чудесной, удивительной, —

может быть и так, что казавшееся нам вчера совершенно невероятным, сегодня вдруг станет совершенно реальным.

Мы привыкли к солнцу и траве, к пению птиц и рождению детей — но все это чудо, это все сотворено Творцом.

Ведь восхищаемся же мы шедеврами искусства, отстаиваем длиннейшие очереди, чтобы только взглянуть на крошечный холст. Как же нужно нам восхищаться величайшим несказанным шедевром «Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»¹⁰! Восхищаться каждым человеком. Радоваться ему, как радовался преподобный Серафим...

Это ощущение бездонности жизни, невозможности охватить ее нашим умом, в большом и даже малом, всегда, — есть основа веры. Вера знает, что мир уходит в бесконечность.

Да, воскресение из мертвых — великое чудо. Мы, православные, каждый Божий день исповедуем в Символе веры: «Чаю воскресения мертвых...» Не только верую в него, но и желаю его. Батюшка Серафим считал этот член Символа веры очень важным.

С этим чаянием мы и ехали. Нас вез в Дивеево обычный рейсовый «пазик», один из тех, которые по всей России бегают, — вслед за автоколонной со святыми мощами во главе. Автобусы ходят здесь довольно часто, но на этот рейс набилось народу, конечно, как никогда. Было тесно, начались искушения — распри, обиды. Но все мы ехали в одно место, начали петь молитвы, величание Преподобному — и к концу пути все попросили

¹⁰ Символ веры. 1-й член: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. — *Прим. ред.*

друг у друга прощения (все мы грешные, но разница существенная в том, что кого-то Церковь научила каяться, а кого-то, увы, — нет).

И вот — вечер 31 июля. Рака со святыми мощами преподобного Серафима Саровского подъезжает к свежепобеленному Троицкому собору в Дивеево. Вся площадь вокруг заполнена народом. Рака останавливается перед раскрытыми дверями собора для краткого молебна...

Подумалось: «Сейчас не только мощи преподобного Серафима — вся Россия возвращается к себе...»

Для недуховного, невнимательного взгляда, которым, к сожалению, мы смотрим обычно на жизнь вокруг нас, всё в ней есть лишь нагромождение случайностей. Но иногда Господь отверзает нам очи (имеющий очи — да видит), и тогда жизнь предстает перед нами в поразительных своих красоте и величии, как единая, целая, где всё премудро управляется всеблагим Божественным Промыслом. Потому еще нам, незрячим, нужно смирение, которому Православие придает важнейшее значение, — чтобы не рвать то и дело тонкие паутинки, любовно протянутые Промыслом между явлениями жизни, выстроенными для нашего спасения.

Некоторые из нас склонны видеть в событиях духовной жизни политическую подоплеку («Горбачев разрешил, ему это было выгодно, и церкви открыли»).

Христос Спаситель сказал Пилату: *Не имаша власти ни единыя на Мене, аще не бы ти дано свыше* (Ин. 19, 11). У политических событий, как и у всей жизни, основа прежде всего — духовная. Суть ее — непрестанная борьба света и тьмы. Об этом свидетельствуют события истории.

1775 год. Год пугачевского бунта. И в этот же год 16-летний Прохор Мошнин по благословению своей матери уходит из родного Курска, чтобы стать монахом — будущим старцем Серафимом.

Когда святые апостолы бросали жребий, в какую сторону каждому из них отправиться для проповеди Евангелия, то Матери Божией, возглавлявшей их общину, достались Иверия (нынешняя Грузия) и Афон. Третьим Уделом Ее стал Киев (где первым монахом был преподобный Антоний, пришедший с Афона). А Четвертым Ее Уделом — никому не известное русское сельцо Дивеево, где первая женская монашеская общинка была основана по повелению Богоматери матушкой Александрой (Мельгуновой; †1789), принявшей монашество в Киеве.

25 ноября 1825 года Царица Небесная явилась на берегу реки Саровки преподобному Серафиму (тоже пришедшему в Саров из Киева, где ему было указано место его подвига). Это было одно из двенадцати Ее явлений ему — больше, чем какому-либо другому святому («Любимиче Мой!» — называла Она его). И Богоматерь повелела: «Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве: и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою...»

«Как я и сам девственник, — говорил преподобный Серафим, — то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки!» Он наставлял приходивших к нему: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, — вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Богородица Сама обещалась быть всегдашней Игуменьей новой Своей обители, Сама по именам назвала девиц для нее, Сама дала ей новый устав, до того времени ни в какой обители не бывавший, и обещала излить на нее все милости Свои и Всех благодатей Божиих благословения со всех Своих трех прежних Жребиев: Иверии, Афона и Киева. Эту обитель Она и назвала Своим Четвертым Вселенским Жребием на земле. Водам же источника, который искипел от земли от удара жезлом Ее, обещала дать большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской, о которой читаем в Евангелии (см.: Ин. 5, 2).

Через несколько дней после этого явления Богоматери произошел бунт декабристов, который стал важным этапом революционно-демократического движения в России, ставившего своей целью разрушение ее православно-монархического уклада, что привело в конце концов к катастрофе 1917 года.

17/30 июля 1903 года в Сарове начались торжества по прославлению преподобного Серафима.

В этот же день в Брюсселе открылся II съезд Российской социал-демократической рабочей партии, который принял программу этой партии о социалистической революции в России и установлении «диктатуры пролетариата», положил начало большевизму.

17/30 июля 1991 года в Дивееве завершился крестный ход с мощами преподобного Серафима Саровского, начались торжества их второго обретения.

В эти же дни происходило следующее: 20 июля 1991 года вышел Указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина «О прекращении деятельности организационных структур политических партий

и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» (о департизации), а сама коммунистическая партия на Пленуме ЦК КПСС 25 июля признала несостоятельность своей программы, ставившей своей главной целью «построение коммунизма».

Два обретения мощей преподобного Серафима. Между ними — эпоха в истории страны, в истории человечества, попущенная неисповедимым Промыслом Божиим для нашего вразумления и спасения.

«Но вернемся к Четвертому Уделу Божией Матери, — пишет протоиерей Василий Швец. — Что же означает Дивеево? Ведь Россия стала совсем иной, чем во времена Киевской и Московской Руси, и долгое время многие не понимали слов Матери Божией и преподобного Серафима — как это Дивеево и почему? Но после событий февральских 1917 года и крушения самодержавия стало непреложно ясным — что такое Дивеево. Это — Новая Россия, Россия без самодержавия, страна, которой управляет Сама Мать Божия, Заступница наша...

В то же время произошло восстановление патриаршества на Руси — сбылось пророчество преподобного Серафима Саровского. Сама Пречистая показала этим восстановлением и явлением иконы «Державная», что и в самое жестокое и трудное время Она с нами, Она наша Заступница Усердная, Предстательница перед Богом, и все так же Престол Ее и Дом Ее — в России, а особая любовь и благоволение — на народе российском».

Еще лет пять назад довелось мне слышать от одного московского священника о предсказании протоиерея Иоанна Кронштадтского (тогда

его имя почти не упоминалось, а ныне он канонизирован нашей Церковью). Святой праведный Иоанн (†1908) предсказал, что безбожная власть будет на нашей земле 74 года. В ту пору — только началась «перестройка» — советская власть казалась вполне незыблемой. Но теперь ясно видно, что предсказание сбылось в точности. И это еще одно подтверждение тому, что всё в руках Божиих, и сатанинские силы бесчинствуют лишь в тех пределах, какие им положены Богом, неисповедимым и спасительным Его Промыслом.

Если отойти чуть подальше от наших сегодняшних материальных нехваток и лишений, станет видно, какая благодать идет к нам ныне. Такого ярчайшего торжества правды Божией, такого явного посрамления всех человеческих мудрований не знала человеческая история.

Невидимая брань

Рака с мощами преподобного Серафима установлена под сенями — большим шатром на четырех столбах, напоминающим маковку храма, со сверкающими золотом крестами. Наверху, на передней стороне, — изображение саровского старца, молящегося на камне, и слова молитвы, с которой он совершал этот тысячедневный, тысяченощный подвиг: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13). Справа — образ Нерукотворного Спаса и апостольские слова: *Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки* (Евр. 13, 8).

«Незадолго до кончины о. Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, — читаем в “Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря”, — один брат, в назидание самому себе, спросил его: “Почему мы, батюшка, не имеем такой

строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?” — “Потому, — отвечал старец, — что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки*”. Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, заключительным словом его уст и печатью его подвигов».

С левой стороны на сенях слова Псалтири: *Честна пред Господом смерть преподобных Его* (Пс. 115, 6) и изображение старца в келлии пред образом Божией Матери «Умиление» — «“Всех радостей радость”, как он ее всегда называл, пред которою на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер», — говорила одна из дивеевских сестер.

До приезда святых мощей в Дивеево здесь была дождливая, холодная погода. А к их прибытию засияло солнце, на небе все эти дни не было почти ни облачка. И над собором засияла радуга. Так же было и в Москве: стояли удивительно теплые дни, но как только мы раку с мощами проводили, тут же полил дождь, наступило ненастье.

Лидия Бродицкая приехала в Дивеево с другими паломниками еще до прибытия святых мощей. Как писала она в «Русском Вестнике» (1991. № 19), в это время «на Троицком соборе устанавливали последний, пятый по счету крест. Верующие собрались внизу у задней стены собора сопровождать работу верхолазов молитвенным пением. Человек пятьдесят без всякого управления слаженно пели тропарь Кресту, Символ веры. Вдруг

кто-то вскрикнул: “Смотрите, радуга!” На небе действительно сияла семицветная радуга, вытягиваясь в сторону храма. Она то сжималась, то вырастала, ни на секунду не пропадая. Люди опустились на колени, многие плакали. То были слезы радости, ведь радуга — знак примирения Бога с человеком. Во всяком случае, мы все были уверены, что наша молитва услышана. И пока крест укрепляли на купол, а с земли раздавалось пение, знамение продолжалось. Местные жители сказали, что всякий раз, когда на храм водружался крест, на небе появлялась радуга. В другой день, когда наша группа в несколько человек решила читать перед заходом солнца акафист преподобному Серафиму на открытом воздухе в окрестностях Дивеева, над нами вновь появилась разноцветная дуга...

Накануне прибытия святыни в Дивеево, во время всенощного бдения, около шести часов вечера, собравшиеся перед Троицким собором паломники наблюдали еще один феномен: солнечный диск оказался как бы притушенным матовым фильтром (стояла безоблачная погода). На него можно было смотреть, не отрываясь, широко раскрытыми глазами. При этом солнце “играло” — диск все время находился в движении, смещаясь то влево, то вправо. Это было поразительно! Местные жители говорили, что так солнце “играло” здесь на Пасху, на празднование Владимирской иконы Божией Матери, а также все эти дни».

Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром... — пел хор 31 июля на торжественной всенощной. И эти слова ощущались в их особом значении сегодня, в этот момент. Именно так воспринималось происходящее со всей нашей жизнью. Мы увидели спасение, уготованное нам Господом после безбожного плена.

Святые мощи здесь явили свою подлинность, свою святость — для темных сил нестерпимую, те стали обнаруживать себя. Уже на всенощной то был слышен лай, исходящий по видимости от людей, то злобный крик на весь собор: «Всех буду судить!» Затем у раки с мощами это происходило то и дело. Вот раздается гортанный клекот — оборачиваюсь, смотрю на женщину, от которой исходят эти звуки: внешнее впечатление, что она молчит. Лишь по ее изможденному лицу, по тому, как она упорно кладет на себя крестное знамение, видно, что идет борьба.

В соборе, на хорах, ночевали паломники, и они были очевидцами того, как старец-затворник, приехавший на праздник, изгонял бесов из бесноватых. Одна из паломниц, прихожанка нашего храма, рассказывала, как старец прямо разговаривал с бесами, которые поселились в несчастных людях, внешне таких же, как все мы, но перед мощами все проявляется. Он говорил:

— Выйди!

— Не выйду, — нахальным голосом (знакомые развязные блатные интонации) отвечал бес — причем он может говорить из женщины мужским голосом.

— Выйди! — повторял старец, непрерывно осеня несчастную крестом, который держал в руках.

— А куда мне идти?

— Иди в свиней.

— Не хочу я никуда идти! Мне и здесь хорошо.

— Тогда пойдешь в бездну.

— Нет, я буду здесь жить вечно!

В это время старец непрерывно молился и просил молиться всех присутствовавших в соборе. С него лил пот, бесноватых трясло, рвало — словом, все, как описано в Евангелии. Знакомая моя

говорила, что это было тяжкое зрелище, что она всю эту бессонную ночь проплакала.

Так тяжело изгоняется из нас нечистая сила — которой якобы нет в нашей жизни! «Просто» откуда-то берутся все виды беснования: пьянство, наркомания, курение, сквернословие, блуд, самоубийства, убийства, в том числе собственных детей во чреве, всякого рода безбожие: коммунистическое ли, демократическое, какое угодно, любые лжехристианские ереси, нехристианские «религии», якобы не противоречащие христианству в главном, — врагу рода человеческого совершенно безразлично, куда мы уклоняемся от спасительного православного пути Христова, лишь бы гибла душа.

И как беспечно мы приглашаем эту страшную силу к себе: экстрасенсами, гаданиями, гороскопами, рок-музыкой, неучастием в Таинствах Православной Церкви, неношением креста, всякого рода грехом.

Преподобный Серафим, по милости Божией, помогает нам с первых же дней в том, что нам сегодня нужнее всего: укрепляет нашу веру. Дает нам еще одну возможность убедиться в том, что храмы Божии, молитва, исповедь, причастие, крестное знамение — это все не просто «традиции», украшение нашей жизни, какие-то символы, это — передовая линия невидимой брани света и тьмы. Что никакой «нейтральности» в духовном мире нет: либо ангелы, либо демоны в невидимом пространстве вокруг нас, и каждая минута жизни и покоя нашего есть победа божественных сил над силами тьмы.

У Преподобного однажды спросили: «Батюшка! Видали ль вы злых духов?» Старец с улыбкой отвечал: «Они гнусны... Как на свет Ангела

взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны».

«Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силою крестного знамения и молитвой. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие», — читаем о нем.

Иногда православным приходится слышать:

— А почему вы думаете, что ваша вера — истинная? А другие думают, что это их вера — истинная.

— Это не мы только думаем, это и бесы думают, — можно ответить на это.

— ?!

— Уж они-то знают, какая вера им больше всего досаждала, какая души спасает, которые они стремятся погубить, а какая — только украшение земной жизни.

Потому-то для князя века сего так нестерпим русский патриотизм, потому-то он приговорил наш народ к смерти (о чем говорит вся наша история). Потому-то он так тщится доказать, что страдания и скорби, которые несет наш народ, — это не особый крест, выпавший тому, кто призван хранить истинную веру на земле (*Аще Мене изгнаша, и вас изженут*, — Ин. 15, 20), и не расплата за отречение от этого креста (*Всякому же ему же дано будет много, много взыщется от него...* — Лк. 12, 48), а якобы что-то другое, наша особая ущербность некая. Дабы не произошло самого страшного для антихристовой силы: дабы русский народ не увидел, в чем действительно причина его скорбей, дабы не покался в грехе вероотступничества, не обратился всем сердцем к Православию, спасая тем себя и других.

Преподобный Серафим говорил о Православной Церкви: «Она во всей славе и силе Божией!

Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя Церкви, архипастыри — суть преемники Апостольские... Жизнь наша есть море, Святая Православная Церковь наша — корабль, а Кормчий — Сам Спаситель».

На торжество съехался православный люд со всех сторон: из Сибири и Молдовы, из Грузии и Болгарии... Писатели, художники, кинематографисты, рабочие, военные, известные всей России старцы...

— Ведь у нас горе и горе, — говорили паломницы с Украины. — А кто поможет, как не святые угоднички Божии?

— Наши родители рассказывали нам, — слышали мы от приехавших из Мариуполя, — как они ходили в Саров...

Паломник Аркадий — программист из Новосибирского Академгородка. Там только что открылась деревянная церковь, и вот, говорит, встретил здесь человек пять из их прихода.

Разговоров — море! Чего только не услышишь, кого не увидишь! Народа вокруг собора — видимо-невидимо: сидят на досках, прямо на траве, едят, молятся, читают... Земля здесь больше всего походит на строительную площадку: бульдозеры, бетонные плиты, трубы... К празднику наскоро сделаны бетонные дорожки, поставлена стеклянная столовая, в которой можно и ночевать — все только начинается.

**«Мы должны трудиться,
даже если бы оставались
последние часы до самого конца»**

Великим постом 1990 года, 31 марта, в субботу Похвалы Пресвятой Богородицы, накануне праздника иконы Божией Матери «Умиление», в Дивееве был освящен престол собора во имя Пресвятой Троицы. А 21 июля 1991 года, в день Казанской иконы Божией Матери, принято решение Священного Синода о возобновлении в Дивееве женского монастыря. Казанской иконе был посвящен здесь храм, построенный первоначально Дивеевской общины матушкой Александрой и освященный в 1772 году.

«Очень давно неофициальная общинка существует, — рассказывает иеромонах Кирилл (Покровский)¹¹. — Игумены пока нет — ожидаем, ее должны вот-вот назначить. Служат три священника и протодиакон. Еще год назад, даже больше, митрополит Николай благословил принимать прошения от желающих поступить в монастырь и давать им послушания. Настоятель собора, протоиерей Игорь Покровский, имеет такие полномочия. В основном это молодые девушки, они приходят из самых разных мест, а как, какими судьбами — это всегда тайна. Много есть из Сергиева Посада, там сильное духовничество. Всего сейчас около сорока сестер. Хор из послушниц. Есть скотный двор, семь коровок, сто курочек, небольшие огородики...»

Сейчас на колокольне вместо креста — антенна, и она используется для ретрансляции. Были на ней и часы, но безбожники их сняли. Как сказал местный мужичок, который ходил с трехлитровой

¹¹ Ныне епископ Ставропольский и Невинномысский.

банкой на Казанский источник за водой, тот, кто снимал эти часы, дня два только и прожил после этого (подобных случаев на Руси было множество: *Бог поругаем не бывает*. — Гал. 6, 7).

— Многие приезжали сюда, когда здесь еще не было монастыря — поклониться этому месту, — рассказывает отец Кирилл.

— Да, — говорю, — мама моя, Галина, Царствие ей Небесное... — В 1975 году она положила партбилет на стол: «Если мои религиозные взгляды не позволяют...» О том, что в 1991 году у нас будет больше ста действующих монастырей, тогда даже и близко представить себе было невозможно: бывают чудеса на свете, но такое?!..

Что мы можем знать о том, что ждет нас впереди? Никакой нашей фантазии не хватит. И какое может быть уныние, если мгновение — и Господь всё меняет: «...творит бо, елика хошет»¹²!

Здесь еще живет ныне, слава Богу, матушка Евфросиния — одна из прежних дивеевских сестер, — так что ниточка духовной преемственности сохранилась. Мать Божия открыла ей, что эта келлия и эта местность поднимут всю Вселенную.

— И как вы ощущаете на себе этот груз? — спрашиваю отца Кирилла.

— Как груз великого недостойнства служить здесь, в Четвертом Уделе Божией Матери, служить у мощей преподобного Серафима. Сейчас, как один священник сказал, мы получили огонь, который может возжечь многие потухшие души, но может и пожечь недостойных... Паломников мы принимаем всех, никому не отказываем,

¹² Великий канон преподобного отца нашего Андрея Критского и Иерусалимского. (Богородичен 4-й Песни). — *Прим. ред.*

хотя условий у нас пока нет. Гостиница на пятьсот мест только строится... Святейший сказал, что мы должны трудиться, делать всё для России, даже если бы оставались последние часы до самого конца. Желание Божие — чтобы все люди России и всего мира обратились к Богу через Православие. Обратились не только умом, не только осознанием необходимости веры в Бога, почитания традиций, хождения в храм и прочего — но всем существом своим, всей жизнью приняли Православие. Не на словах, но на деле стали людьми православными — только так можно познать Бога. Лишь приняв слова преподобного Серафима о мире в душе, о любви, о молитве, исполнив в своей жизни какие-то из этих поучений, сможем мы по-настоящему понять Преподобного, его подвиг, его любовь, действительно стать близкими ему.

Позднее, 17 ноября 1991 года, была возведена в сан игумении Свято-Троицкого Серафимодивеевского монастыря матушка Сергия. Этот день стал днем открытия новой обители.

День примечательный. Ровно за четыре года до этого, 17 ноября 1987 года, было принято решение Правительства СССР об освящении Свято-Введенской Оптиной пустыни. А через год в этот день там начали мироточить Казанская икона Божией Матери, святые мощи и икона преподобного Амвросия Оптинского.

«Матерь Божия каждые сутки посещает Дивеево»

Как учат Святые Отцы, всякое доброе дело сопряжено с искушениями. А уж такое-то... На проповеди в соборе отец Кирилл с большой болью говорил о людях в Дивееве, которые враждебно отнес-

лись к монастырю. О великих трудностях, которые сопровождали восстановление собора, обители — и материальных, и моральных. И в Арзамасе, и здесь от местных жителей приходилось слышать:

— А нам-то наговорили! Запасайтесь водой, увозите детей, могут быть эпидемии, грабежи...

Все было, слава Богу, спокойно.

За дивеевской околицей было разбито два огромных палаточных лагеря на тысячу и полтысячи больших армейских палаток. Зрелище впечатляющее: чуть ли не до горизонта уходящие ряды островерхих шатров-палаток.

— Кто вам это оплачивал, Нижегородская епархия или Патриархия? — спросили армейского полковника, командовавшего здесь.

— Никто, — ответил он. — Просто была личная просьба Святейшего, и армия откликнулась.

Естественно, особых удобств тут не было: палатки да нары. И все это было, конечно, не случайно. Одна паломница попала в самую точку:

— Преподобный тысячу ночей молился на камне, а мы две ночи не переночуем?

Мы с Виктором из Калуги и Андреем из Санкт-Петербурга натаскали сена, зарылись в него — и хоть и подрожать пришлось под утро, но зато перед глазами, вдалеке — картина, напоминающая вид на Московский Кремль с реки: высокая колокольня и два сияющих собора. Вот так вся Россия была в этой столичной красоте — когда все ее монастыри были действующими и в самых разных, захолустных вроде бы уголках ее украшали, освящали.

«Счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево! — говорил Преподобный. — Земля же

под нами вся святая, и все живущие на ней и по окрестностям все спасутся, а кто мое имя будет поминать, не оставлю и я в молитвах моих...»

Когда лагерь сворачивали, тот полковник сказал: «Впечатление очень большое... Для нашего духовного подъема событие это очень важное. — Чувствовалось, что он доволен тем, что потруился для этого дела. — Многие нас благодарили, обещали молиться. Я и раньше говорил: пусть человек верит, как он хочет. Раньше прорабатывали... Детей я крестил, но сам я неверующий. Но я понимаю, что все может быть...»

Всего здесь переночевало около пяти тысяч человек. Часть приехавших приняли местные жители, и почти никто денег не взял.

Армия же разместила в большом соборе, что сзади Троицкого, огромное количество солдатских коек, стоящих почти вплотную, со знакомыми по «подъемам» и «отбоям» темно-синими одеялами. Здесь ночевали только дети, старики, больные.

Собор этот был построен к 1917 году, должен был быть посвящен иконе Божией Матери «Умиление» и преподобному Серафиму, да так никогда и не освящался. Большие окна его затянуты полиэтиленом. Иконостаса нет — только веревочка, и к ней прикреплена записка: «Женщинам входить в алтарь нельзя». Нагибаюсь под ней, вхожу. На месте Престола расстелено темно-красное одеяло (не наступать). Сзади, по всем выщербленным стенам алтаря, — огромное количество маленьких, простеньких, часто бумажных иконок, и перед ними и просто так горит множество самодельных лампадок с крышками из-под консервных банок. В соборе уже молятся. Алтарь уже живет, уже освящает нашу жизнь.

На празднике всюду можно было встретить казаков — их красные, белые, черные яркие одежды, лихие папахи мелькали там и сям. Признаюсь, я и тут на них любовался. Они много прибавили этому празднику.

Со стороны кому-то могло бы показаться, что они — лишь внешнее его украшение. Но почему же тогда так внимательна толпа местных мужичков, обступивших двух казаков с большой красной буквой М на погонах (святой архистратиг Михаил — их покровитель) на главной улице Дивеева? Пожилого, но очень бравого, с большими усами, и молодого с простым веснушчатым лицом, который говорит им спокойно и веско, степенно положив руку на рукоять шашки:

— Без веры мы — никто. Кто хочет может повернуть нас куда хочет, и мы — рабы.

Старший говорит еще четче:

— Коммунистам надо было вытравить из человека религию, чтобы можно было управлять им, как быдлом.

— От человека осталась только треть человека, — добавил младший, имея в виду, вероятно, то, что человек создан по образу и подобию Божию, то есть Святой Троицы: из духа, души и тела.

— А у вас что за звание? — спрашивают мужички.

— Есаул.

— Если взять в Советской Армии — это какое звание?

— Майор.

— А шашка откуда?

— От отца, после войны.

— Нам милиция не разрешает иметь оружие... — жалуются они.

— Мы всё за себя да за себя, по домам, — говорит есаул, — трясемся за свое благополучие — ну и что? И ничего у нас все равно нет. Детки наши вырастают и плюют на своих родителей. Нет, пусть я голову сложу за правое дело — но зато сын мой, внук сто раз придут ко мне на могилу и поклонятся. И продолжат мое дело.

В пустом зале дивеевской столовой, где казаки собираются на трапезу, два мальчика-казачонка в атласных рубашках, подпоясанных форменными ремешками, накрывают для всех столы. Нет, это не маскарад...

После обеда казаки стоят кругом на ступенях, поют свою удалую песню. Выходит атаман:

— Господа казаки! Приказ главного атамана Союза казаков России. Его Святейшество благословил нас обеспечить порядок во время богослужения в храме. Поэтому в три часа — построение всех казаков перед Святыми Вратами. Начистить сапоги, привести себя в порядок. Любо, казаки?

— Любо!

Как же было не благословлять их здесь на самую почетную службу, когда они были сродни по духу всему торжеству!

Только омоновцы (хотя, конечно, надо отдать и им должное за труды) да скульптурный белый «вождь» на площади, стоящий спиной к монастырю, восторженно и уверенно глядящий куда-то в пустоту, были чем-то другим по духу, архаичным, из прошлого уже, а не нового мира.

Правда, и тут я видел радостные глаза мальчика-омоновца, уже без строя, в свободную минуту вместе с двумя сослуживцами подошедшего к собору и потянувшегося к его раскрытым дверям:

— Просвирка!..

Преподобный Серафим любит всех... Всех до единого! «Прозревая образ Божий в каждом человеке, с радостью духовной о нем, встречал его дивный старец с небесным приветом: радость моя, радуясь о нем, — писал отец Сергей Булгаков. — Эти светлые, умильные, райские слова, — они таят в себе целое учение о человеке, они открывают любовь Божию и радость Божию о творении. Человек человеку волк, — говорит мудрость бесовская; человек человеку радость, — гласит мудрость христианская. Накануне величайшего поругания образа Божия в человеке и величайшего насилия и глумления над человеческой личностью восславил человека Преподобный, он озолотил его лучами любви своей и как бы благословил на грядущие страдания. И сам он стал для русских людей радость наша, ибо радостно загорается сердце при мысли о белом старце, “убогом Серафиме”, в белой одежде, с крестом на персях и десницей, прижатой к сердцу...»

«Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие, — говорится в “Летописи...” — Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его на первый

раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осоленного благодатию, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келлии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно-родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, посмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но неожиданно встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келлию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келлии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через

несколько минут слышался из келлии старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно»».

В Дальней пустыньке

В один из этих удивительных дней мы отправились к Серафимову источнику в лесу, к его Дальней пустыньке.

— Идем на святое место, Иисусову молитву — и ни слова! — провозгласила матушка Серафима, гречанка с украинским выговором из грузинского монастыря, наш предводитель, когда мы вышли из автобуса. Природа — диво дивное! Воздух, сосны — все особенное. Черемухи, малины возле источника — видимо-невидимо.

— Мы из Крыма. Все едут к нам, а мы за три месяца здесь уже второй раз, — говорили паломницы, собирая черемуху.

— А это — трава снитка, ею Преподобный питался больше двух лет, — срывает и дает нам попробовать Аркадий из Академгородка — прямо здесь,

на берегу Саровки, где ходил великий старец, который эту траву сныть, по его собственным словам, «обливал горячею водою, так и вкушал».

На крутом берегу у источника стоит большой деревянный крест. Возле него непрерывно читается акафист Преподобному, люди пьют чистейшую воду, берут ее с собой, обливаются, купаются.

— Много ли студено? — спрашивает один молодой болгарский батюшка других, заходя в реку.

— Нэ! Малко!

С этими батюшками и их молодыми православными болгарскими спутниками, приехавшими на праздник, мы встретились потом в вагоне по дороге в Москву, и до поздней ночи народ наш православный все пытал их о православной жизни в Болгарии:

— А как у вас?..

— У нас с вами одна служба, слово в слово, — отвечал им иеромонах Серафим, — только напевы другие.

— Спой Богородицу! — просили наши бойкие бабули одного из ребят. И он пел.

— Хорошо... — понравилось им.

Батюшка служит в монастыре под Софией. Приезжали они сюда сами, никакой не делегацией.

— Преподобный Серафим — мой небесный покровитель, — сказал он.

Когда мы шли на источник, с горы вдалеке видели Саров: колокольню, купол собора и множество современных блочных, кирпичных домов вокруг, а внизу, в поле — забор с колючей проволокой, которым огражден этот закрытый ныне город, Арзамас-16 — место, где создавался атомный щит Отечества. Мы молимся, кланяемся Сарову издалека...

«Там — благодать, а нам здесь трудиться надо»

1 августа (19 июля по старому стилю) стало днем, трижды знаменательным для памяти преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Это день его рождения в 1759 году.

Это день обретения его святых мощей и торжественного прославления в 1903 году.

Это день торжеств второго обретения его мощей и возвращения их в Дивеево в 1991 году.

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» — гремело здесь в этот день пасхальное песнопение.

В Троицком соборе непрерывно, одна за другой, служились Божественные литургии: в полночь, в три часа ночи, в шесть и девять часов утра. Исповедовались и причащались Святых Таин тысячи христиан.

Московский протоиерей Димитрий Смирнов на рассвете перед исповедью сказал: «У нас нет любви к Богу и ближнему. Это очень хорошо видно по тому, как ужасно мы себя ведем в храме. Мы Бога не любим. И ближнего вообще не замечаем. Животные в этом отношении стоят выше нас — они все-таки всегда обращают внимание на особь, подобную им. А для нас человек — как будто столб, мы просто не видим в нем живого человека, со своей душой. Прости нас, Господи!»

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!

К девяти утра святой Престол был вынесен на улицу, и на площади перед собором, под открытым небом, патриарх Алексей II со многими архиереями совершил главную Литургию дня преподобного Серафима, крестный ход с ракой вокруг собора с пением стихир Пасхи.

«Христос воскресе!» — восклицает Патриарх, завершая праздник. — «Воистину воскресе!» —

отвечает площадь. — «Христос воскрес!» — этими словами приветствовал саровский старец приходивших к нему в любое время года.

В конце торжеств Патриарх перед всем народом прочитал приветственную телеграмму Б. Н. Ельцина. Ответом было полное безмолвие народа.

После службы все пошли в один из палаточных лагерьей, где дымили полевые кухни и всех кормили гречневой кашей и поили чаем. Рядом со мной шел отставной офицер в обычной форменной полинявшей зеленой рубашке навыпуск — приехал сюда, на праздник, из Ташкента, только что причастился Святых Таин: «Ну, а что, из газет узнавать, что тут было? Журналисты понапишут... Нет, сам поехал».

Благодать в Дивееве была великая, и мы ее все время ощущали, вся жизнь тут была как единое живое целое: все было удивительно складно, стройно — до мелочей. Силы подавались чудесные. Другой раз разве такое выдержишь — прийти в собор во втором часу ночи, простоять до второго часу дня? Не спать, не есть чуть ли не сутками. И все эти дни было чувство неслучайности всего, что с нами происходит. Чувство Промысла Божия, непрерывно над всею нашею жизнью действующего, было ощутимо почти на ощупь.

Возле собора собрался народ кучкой. Матушка из Киева рассказывает, пораженная тем, что здесь оказалась:

— Я и не собиралась сюда ехать — а чего, думаю, я поеду, я приложилась к мощам в Москве, вот уедет весь народ, будет спокойно, тогда и отправлюсь. И вдруг мне звонок по телефону. Я никогда к нему не подхожу, чего я буду празднословить, а тут — бегу. Поднимаю трубку — мне говорят: «Собирайся в Дивеево». Как в Дивеево? У меня

ни билета, ни денег. И тут приходит одна женщина и говорит: «У меня есть лишний билет в Дивеево, брала сыну, а он так и не согласился поехать». Я говорю: «У меня денег нет». Она говорит: «Ничего». И вот я оказалась здесь.

И так — во всем. Ах, думаю, я матушке-то Серафиме из Тбилиси (вот как Матерь Божия собрала здесь посланцев со всех Своих Уделов!) так и не дал своего телефона, она хотела в Москву приехать, чтобы я ее встретил, все московские святыни показал. Спрошу Андрея — не увидит ли он ее? — подумал в соборе. — Нет, — говорит Андрей, — может, и не увижу. — Зря спрашивал, понимаю. Если Господу угодно, и так нас сведет. Чего лишнее говорить, да еще в соборе?

Еду в Сатис к одному человеку — у него, как слышал, может быть какой-то исторический материал о Дивеевском монастыре. Но ничего не добыл, а на автобусной остановке мне машут из автобуса, который едет в обратную сторону, и в нем — матушка Серафима! И вместо того, чтобы стоять на жаре и ждать этого самого автобуса, когда он пойдет назад, еду вместе с ними на еще один источник с чистейшей целебной водой, заедаю хлебушком, которым угостили добрые люди, и благодарю Господа и батюшку Серафима: вот, оказывается, зачем поехал в Сатис...

И думаю: а мы-то, грешные, всегда ждем на жаре автобуса вместо целебного родника — живем своей, короче, нескладной жизнью. И всё потому, что жизнь у нас безблагодатная: веры мало, молитва потому ненастоящая, смирения нет ни на грош, все время свою волю ставим впереди Божией, которая проявляется, естественно, во всем, что с нами происходит — всё думаем, что сами себе больше добра сделаем. Бедные люди! Прости нас, Господи!

И потом, как только выехали совсем из Дивеева, сразу почувствовалось, что силы оставили — тут же сказались хвори да немощи.

Приехав, я рассказал батюшке Валериану Кречетову, какое было торжество, какая благодать, а он:

— Да, там — благодать, а нам-то здесь трудиться надо.

«И внемлет арфе Серафима...»

Мы не задумываемся: почему, например, стал возможен такой удивительный феномен мировой культуры — взлет великой русской литературы XIX века, который произошел внезапно и ослепительно, как залп салюта? Великие писатели, каждый из которых составил бы славу и гордость любого народа, были современниками, общались друг с другом: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов... Что же это за время? Это то время, когда за всю Россию, за всех православных христиан непрестанно, днем и ночью, в посте и безмолвии молился преподобный Серафим. Почти вся жизнь Пушкина вписывается во время духовного подвига великого старца (родился через пять лет после того, как Преподобный уединился в пустынной келлии в лесу). К этому времени относится начало литературной славы Гоголя, начало лермонтовского творчества. Детство и отрочество Достоевского. И сколько было еще великих имен! Одновременно были великая русская музыка, живопись... И не какие-то отдельные звезды на небосклоне, но единое, общее — как слаженный оркестр.

И нельзя не заметить: взлет пушкинский, гоголевский — взлет современников преподобного Серафима, основоположников великой русской

литературы — по своей благодатности, дарованности особенно ослепителен и — каждому ясно — по-человечески недосыгаем. И дерзну сказать, что эта забота о благодатности литературы близка именно великому саровскому старцу, для которого важнее всего было православное по самой своей сути стремление облагодатить всю жизнь человеческую — и, разумеется, ее словесность, поскольку она идет к людям, говорит с их душой. И сам он открыл затвор по повелению Царицы Небесной, в чем была Ее милость к роду человеческому с его немощами. «Молитесь Богородице! — говорил старец наших дней протоиерей Тихон Пелих. — Сама Она на небе, а очи Ее — на земле!»

Любовь Божия, изливаемая на всю жизнь, до последней крупинки, вся ею наполненная, — главная суть происходящего в мире. Все, что живет и дышит, есть плод Божией любви, и все призвано преобразиться любовью. Все должно радоваться о Господе и нести в себе эту радость — дабы праздновалась Пасха всяким дыханием (ср.: Пс. 150, 6) круглый год. Всегда жизнь — чудо, всегда жизнь — радость! Она — вся — Божия! В ней любовь Божия — всегда! Ею она — вся — создана! Такова главная правда этого мира. Вот — радость Серафимовская...

Самая высокая поэзия и самая зрячая проза в единстве — главная черта высших достижений пушкинско-гоголевской Небесно-земной — нераздельно — литературы.

И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт...

«У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресение Христово» (важнейшие слова Гоголя).

Канавка до Неба

Прямо на площади перед собором черноглазая девушка, глядя в небо, просит: «Отче Серафиме! Спаси всех людей!»

То и дело слышится акафист Преподобному — у всех в руках эти маленькие книжечки. Идем от «прощеного» (как сказала одна местная бабушка), Казанского источника (в нем явилась Казанская икона Божией Матери) — и на берегу реки, прямо в траве, стоят на коленях две девушки, устремленные в молитве к белеющему вдали собору. Нигде не видел, чтобы так молились — со слезами, с умилением, — кроткий батюшка Серафим, столь многим из нас помогавший, трогает наши души.

Вот один случай — об этом рассказали в Москве у жены на работе. У одной женщины было тяжкое горе, муж, музыкант, горько пил, из оркестра его выгнали, совсем опустил. Однажды среди ночи пришел пьяный, да еще и с собутыльницей, и жене сказал: «Постели нам, а сама иди». Она пошла, не зная сама, куда идти, что делать... Пришла к подруге. Та сказала ей: «Давай молиться преподобному Серафиму». Они горячо молились вместе дома, потом пошли в храм, молились там... И муж ее не только бросил пить, но у него открылся дар: он стал иконы писать. Я видел их: настоящие, хорошие иконы.

За соборами ясно видна плотно утоптанная узкая тропинка — знаменитая канавка, которую Преподобному указала Сама Царица Небесная.

«Исповедую тебе и Богом свидетельствуюсь, — говорил он протоиерею Василию Садовскому, — что ни одного камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал

им, и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной!»

В 1829 году общине пожертвовали три десятины земли. «О. Серафим, — читаем в “Летописи...”, — был в таком восхищении и в такой радости, что и сказать нельзя. Михаилу Васильевичу Мантурову¹³, бывшему тогда в Сарове, он дал кадочку меда и приказал, чтобы все сестры собрались, и когда обойдут эту землю, то скушали бы мед с мягким хлебом. Когда же начнут обходить эту землю, то, ввиду глубокого снега, запастись камешками и класть их между колышками, расставляемыми землемером. О. Серафим говорил, что, когда растает снег, колышки упадут, и некоторые затеряются, или на другое место вода снесет, а камешки останутся на своем месте...

Весною о. Серафим велел опахать эту землю сохой, по одной борозде три раза... Землю опахивали по положенным по меже камешкам, так как многие колышки действительно затерялись или оказались в других местах. Когда же земля высохла совершенно, то о. Серафим приказал обрыть ее канавкою в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать вовнутрь обители, чтобы образовался вал также в три аршина. Для укрепления вала он велел на нем насадить крыжовник. “Когда так сделаете, — говорил батюшка, — никто через эту канавку не перескочит”».

«Самое это место, где теперь канавка, — рассказывала старица Анна Алексеевна, одна из первых сестер обители, — ровное и хорошее было место, и на нем-то и приказывал батюшка вырыть

¹³ М. В. Мантуров — помещик, чудесно исцеленный по молитвам преподобного Серафима. Взял на себя подвиг добровольной нищеты, пожертвовав свое состояние Дивеевской обители.

канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коею прошла Матерь Божия Царица Небесная, в удел Свой взяв Дивеево! Слушать-то сестры всё это слушали, да всё и откладывали исполнить приказание батюшкино и не зарывали канавку. Раз одна из нас, черёдная, по имени Мария, ночью, убираясь, вышла зачем-то из келлии и видит, батюшка Серафим в белом своем балахончике сам начал копать канавку. В испуге, а вместе и радости, не помня себя, вбегает она в келлию и всем нам это рассказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидав батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли его, лишь лопата и мотыжка лежит перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта; по этому-то самому и называется это началом канавки, так сам батюшка, видя нерадение и небрежение наше к исполнению заповеди его, начал и закопал ее. Тут уже все приложили старание, и, так как очень торопил с этим делом батюшка, то даже и лютой зимой, рубя землю топорами, всю своими руками, как приказывал он, выкопали сестры эту святую, заповеданную нам канавку; и лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого».

«“Тут стопочки Царицы Небесной прошли! Стопочки Царицы Небесной, матушка!” — передавала слова Преподобного монахиня Капитолина. — Так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. “Она, Матерь-то Божия, все это место обошла, матушка! Вы и землю-то когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в обитель, в канавку-то, и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет,

да полтораста Богородиц прочтет, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!»»

«Когда век-то кончится, — говорил Преподобный одной из дивеевских сестер, — станет антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»

«Эту канавку, — говорил он, — Сама Царица Небесная Своим пояском измерила».

Мы пошли на канавку с молодым современным странником Андреем (ездит по всем святым местам от Риги до Владивостока).

— Вот здесь целуют собор, — показала нам одна раба Божия на алтарный выступ неосвященного собора, — и идут дальше, углубленно в себя, как можно медленнее, и читают Богородицу.

Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословена Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших... — читаем мы про себя и медленно идем по тропе, по которой прошла Сама Пречистая... Впереди и сзади нас идут другие богомольцы.

Проходим мимо широкой лиственницы с очень душистой смолой. Ее посадили монахини в честь рождения в 1904 году цесаревича Алексея...

О приезде Царя с Семейю за год до этого и о встречах их с блаженной Прасковьей Ивановной монахиня Серафима (Булгакова) вспоминала:

«В то время в Царской Семейю было уже четыре дочери, но мальчика-наследника не было. Ехали к Преподобному молиться о даровании наследника. Прасковья Ивановна имела обычай всё

показывать на куклах, и тут она заранее приготовила куклу-мальчика, настелила ему мягко и высоко платками и уложила: “Тише, тише, он спит...” Повела им показывать: “Это ваш”. Великие князья в восторге подняли блаженную на руки и начали качать, а она только смеялась.

От Прасковьи Ивановны поехали к Елене Ивановне Мотовиловой. Государю было известно, что она хранила переданное ей Н. А. Мотовиловым письмо, написанное преподобным Серафимом и адресованное Государю Императору Николаю II. Это письмо преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом, передал Николаю Александровичу Мотовилову со словами:

— Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней. Пусть она ему передаст.

Мне рассказывала Наталья Леонидовна Чичагова (дочь Владыки), что когда Государь принял письмо, то с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после...

Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, он горько заплакал. Придворные утешали его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно.

В тот же день, 20 июля, к вечеру все уехали из Дивеева. После этого со всеми серьезными вопросами Государь обращался к Прасковье Ивановне, посылая к ней Великих князей. Евдокия Ивановна говорила, что не успевал один уехать, другой приезжал. После смерти келейницы Прасковьи Ивановны матушки Серафимы спрашивали всё через Евдокию Ивановну. Она передавала, что Прасковья Ивановна сказала:

— Государь, сойди с престола сам!

Блаженная умерла в августе 1915 года. Перед смертью она всё клала земные поклоны перед портретом Государя. Когда она уже была не в силах, то ее опускали и поднимали келейницы.

— Что ты, Мамашенька, так на Государя-то молишься?

— Глупые, он выше всех царей будет...

Незадолго до своей смерти Прасковья Ивановна сняла портрет Государя и поцеловала в ножки со словами:

— Миленький уже при конце».

Великая Дивеевская тайна

В беседе с чудесно исцеленным им Н. А. Мотовиловым преподобный Серафим говорил: «Мне, Ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой Веры — Воскресению Христову и всеобщему Воскресению — веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея привременная жизни взять и затем, во утверждение догмата Воскресения, воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскрешение семи отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего».

«Жизнь души — соединение ее с Богом, как жизнь тела — соединение его с душою, — писал святитель Григорий Палама. — Душа, разлучившись с Богом преступлением заповеди, умерла; но послушанием заповеди опять соединяется

с Богом и оживотворяется этим соединением... Как душевной смерти, то есть преступлению и греху, в свое время последовала телесная смерть — соединение тела с землею и обращение его в прах, а за телесною смертью последовало помещение отверженной души во ад, так и за воскресением души, состоящем в возвращении души к Богу, посредством послушания Божественным заповедям, в свое время должно совершиться воскресение тела соединением его с душою, а за этим воскресением должно последовать нетление и во веки пребывание с Богом достойных этого пребывания, соделавшихся из плотских духовными, способных, подобно Ангелам Божиим, жить на небе. *И мы... восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Фес. 4, 17)».

Семь спящих отроков скрывались в пещере во время гонений на христиан. Император-гонитель велел закрыть большим камнем вход в эту пещеру. Через сто восемьдесят лет, когда гонения прекратились, но распространилась ересь, отрицающая всеобщее Воскресение, пещера случайно была открыта и святые исповедники воскресли, словно пробудились от долгого сна, что явилось образом будущего воскресения всех людей из мертвых.

«Открыв мне, — пишет Мотовилов, — сию великую страшную тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеево и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли; Дивеев станет Лаврой, Вертяново — городом, а Арзамас — губернией. И проповедуя в Дивееве покаяние, Батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей

и, по открытии их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему».

В Приложении к «Великой Дивеевской тайне» Мотовиловым в 1867 году было записано: «Будет время, когда все словеса предречений Господних, сказанные Великому Старцу Серафиму о судьбах Четвертого жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо по обетованию Господню, воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба Великий Старец Серафим и пешком перейдет из Саровской пустыни в село Дивеево — и при сонме Высочайшей фамилии, Великокняжеской, Царской, Императорской, и русских, и иностранных бесчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце веков всеобщего Воскресения, понеже, наконец, там вечным опять до времени сном смерти почует, и тогда-то, после сего вторичного Батюшки Отца Серафима успения, село Дивеево, соделавшись Домом всемирным, просветится паче всех, не только русских, но и всех градов на свете — ибо свет веры Христовой через это воскресение из мертвых Великого Старца Серафима утвердится вселенной всей. Тогда с какой жадностью все обратятся ко всем источникам православным для узнания о начале и ходе сего дива истории и сего Четвертого жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской женской Дивеевской Горы, сего места спасения всего мира во времена антихриста».

Наше богатство

После дивеевских торжеств иеромонах Кирилл сказал: «Я считаю, что событие, совершившееся здесь только что, — может, последнее, которое,

если будем достойны этого, если сможем его правильно воспринять, сможет воскресить, возродить Россию. Если же не приложим своих усилий со своей стороны в борьбе с грехом, с беззакониями, с неверием, то тогда это событие величайшее, которое есть, может, последняя милость Божия к нам, оно...»

Но — да не будет этого «если»! Нам ли не трудиться — при той великой помощи, которая нам подается! Мы много говорили о потерях, которые понесли от безбожия, красиво называемого иностранным словом «атеизм», так же, как бунт приоделся и назвался «революцией», грабеж — «эскпроприацией», блуд — «сексом», чадоубийство — «абортом», — и вроде бы суть уже не та, иностранное словцо лишает явление его духовной оценки (вот почему нам так важно хранить чистоту русского языка: это значит хранить и свою духовную и национальную свободу). Но теперь все повернулось, и мы видим, как много мы имеем!

Нет, у нас не только немощи да нехватки, у нас есть величайшие сокровища, которых нет ни в одном другом краю, ни с чем не сравнимые, духовные сокровища. У нас есть Святое Православие, есть заступничество Божией Матери, у нас есть Дивеево — Ее Четвертый Удел! У нас есть преподобный Серафим, есть святость наших великих подвижников, их бесценный духовный опыт, наследниками и последователями которого мы призваны быть. Они тоже жили в болезнях да скорбях — а зато душа их просветилась светом неувечерним!

В любых обстоятельствах, какими бы они ни были трудными, можно прибегать к молитве с уверенностью, что придет помощь. Лишь бы молитва была с верой, с надеждой, со смирением — *да будет воля Твоя* (Мф. 6, 10).

«Когда меня не станет, — говорил батюшка Серафим дивеевским сестрам, — ходите, матушки, ко мне на гробик. Ходите, как вам время есть. И чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни поскорбите, что ни случилось бы с вами со всеми, приходите ко мне на гробик. Да припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым со мной говорите. И всегда для вас жив буду...»

«Нет нам дороги унывать, — говорил Преподобный, — потому что Христос всё победил. Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил».

Помните, весной прошлого (1990-го. — *Прим. ред.*) года были разговоры об особом, редком сочетании Пасхи и Благовещения Пресвятой Богородицы в 1991 году — Кириопасхе, Господственной Пасхе, как ее называют? Ходили слухи о том, что нельзя красить яйца и куличи святить, что Кириопасха — это грозное предзнаменование. Вразъяснении на этот счет, которое висело в Свято-Даниловом монастыре, говорилось, что в истории нашей страны Кириопасха не была связана ни с какими особенными событиями, кроме Куликовской битвы...

19 августа 1991 года

Уезжая из Дивеева с ощущением великих духовных событий, происходящих в нашей стране, мы еще не знали, конечно, что всего через несколько дней увидим в ней важнейшие общественные события.

Вскоре после Дивеевских торжеств, 16 августа, патриарх Алексей II освятил древнейший Софийский собор в Новгороде и колокол (причем во время освящения Престола над куполами

появилась — в безоблачный сухой день — радуга). Затем он с архиереями, духовенством, мирянами совершил крестный ход к памятнику 1000-летия России, где был отслужен молебен. И сразу после этого Патриарх в Москве освящал Донской монастырь, где 18 августа состоялась первая за много лет служба в Большом соборе в честь Донской иконы Божией Матери. Икона эта принесла победу русским воинам на Куликовом поле в день Рождества Пресвятой Богородицы — победу, которая ознаменовала начало освобождения нашего народа от политической и духовной неволи.

Донской монастырь был основан на месте, где в 1591 году стоял походный храм с Донской иконой Богородицы, когда к Москве подступили татары и, после короткого боя, уstraшенные невидимой силой, отступили.

День Пасхи Христовой в 1991 году совпал и с Благовещением Пресвятой Богородицы, и с днем памяти святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России (†1925), святые мощи которого покоятся в Донском монастыре, где святитель волею и неволею провел последние годы своего высочайшего служения, отстаивая духовную свободу русского народа, сохраняя главное, на чем она основывается, как и национальная его свобода — Святую Православную Церковь. Ныне святитель Тихон, причисленный в 1989 году к лику святых, — молитвенник за Церковь и страну об избавлении нас от неверия и ересей, от междоусобной брани.

Промыслом Божиим на службе в Донском монастыре, как и на следующий день, в праздник Преображения Господня, в Успенском соборе Кремля с нами молились наши земляки, приехавшие из-за рубежа на Конгресс соотечественников.

Как это и бывает, потом, после событий, перед лицом которых встала наша страна 19 августа 1991 года, открылось, сколь жизненно важно для России, для ее судьбы было все, что происходило в ее духовной жизни во все предшествовавшие дни, все это время.

Стало видно, что каждая молитва у святых мощей преподобного Серафима, каждое благоговейное прикосновение устами к его раке, каждое паломничество в Четвертый Удел Божией Матери, каждый земной поклон перед святыми мощами святителя Иоасафа Белгородского, которые стояли в эти дни в Патриаршем соборе, каждый открытый монастырь и храм, каждое Крещение и Венчание, каждый родившийся младенец, каждая крупица добра, каждая свечечка, каждая покаянная слеза, каждая теплая молитва, — все это было бесконечно важно для наших судеб, для судьбы России, именно это ее и решало, из этого она и составляется. Так собиралось то, что помогло спасти потом наш народ от тех жертв, которые, надо думать, были уготованы ему в эти взрывоопасные дни. Какова бы ни была подоплека тех событий, какие бы цели ни ставили перед собой их организаторы и участники, ясно одно: темная сила хотела видеть как можно более трагическое противостояние в стране. Но Господь, предстательством Царицы Небесной и всех святых, даровал нам эту милость, это чудо — избавление от кровопролития, да еще исчезновение из государственной жизни, самыми непредставимыми для нас путями, коммунистической партии, безбожные взгляды которой еще совсем недавно были для всех обязательными. Оглянемся назад: ни слова православного в обществе, имя Божие в печати — только с маленькой буквы, люди боялись креститься

и крестить детей: сообщат на работу, — боялись надевать детям крестики в детских садах, школах, там их срывали. В школе у дочери, когда детей спросили: «Какое большое событие произошло 22 апреля?» — и один мальчик ответил: «Пасха», — был переполох, срочно собрали всех детей младших классов в актовом зале, прочитали безбожную лекцию. Это было совсем недавно. Но как быстро мы забываем, что даровал нам Господь — вроде так и должно быть. Да, но за нынешним духовным просветлением — подвиг тысяч святых новомучеников, пострадавших от безбожников в этом веке, непрерывно молящихся о прощении нас, недостойных.

Вот и теперь, на расстоянии, кажется, что ничего такого особенного в те августовские дни недолгой и странной власти ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению) и не могло быть. Но тогда ясно ощущалось, что идет невидимая великая борьба... На улицы и площади Москвы была выведена мощнейшая бронетанковая армада. Говорят, и палка раз в год стреляет, а уж тут...

В нашем храме Покрова Божией Матери, где мне довелось быть накануне вечером в алтаре, у меня впервые было совершенно особое чувство: что слова ектеньи из этого маленького алтаря уходят далеко за его стены, что мы действительно просим сейчас за всю Богохранимую страну нашу, за всю во Христе братию нашу, просим о мире всего мира, что здесь, сейчас делается важнейшее дело. И как-то особенно веско звучали дополнительные прошения ектеньи, введенные недавно — об избавлении от распрей и нестроений в Отечестве нашем.

Вечером 19 августа, когда уже стало известно, сколь важны эти часы в судьбе Родины, я ехал на

трамвае из Елоховского собора и, когда он спу-
скался к Самотёчному бульвару, увидел: над пен-
таграммой Театра Советской Армии — багрово-
красный закат во все небо...

Но Россия помолилась.

Ни одно слово, тем более сказанное в храме
Божием, соборно, с верой и любовью, не остается
просто словом — все они, разумеется, слышны Богу,
все они таинственно изменяют мир — сразу или
постепенно. Нам это трудно понять. Мы привык-
ли слышать слова — и пропускать их мимо ушей.
Слышать просьбу — и не исполнять. Мы, увы, спо-
собны не ценить чью-то любовь к нам (прежде все-
го, любовь родителей), отвечать на добро — равно-
душием, а то и злом. Мы можем не верить словам,
поскольку нам неведома душа говорящего.

Бог всё слышит. Ему всё ведомо. И Он не может
не ответить на всякое чистое слово, на любовь —
потому что Он Сам есть Любовь, совершенная
и истинная. Он сказал: *Бог не имеет ли сотворити
отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день
и ночь, и долготерпя о них? Глаголю вам, яко сотворит
отмщение их вскоре: обаче Сын Человеческий пришел,
убо обрящет ли (си) веру на земли?* (Лк. 18, 7—8).

Мы не знаем, от каких именно бед избавили нас
в те августовские дни Господь и Матерь Божия.
Но мы знаем, что Россия молилась в те дни.

Помнится, как тогда в московском храме Иоан-
на Предтечи в Кудрине подошла некая женщина
к свечному ящику, сказала, что она некрещеная,
но просила помолиться. За страну.

— Да, мы старались все эти дни... — был ей
тихий ответ.

И Православная Россия постилась. Это были
дни Успенского поста, по строгости равного Вели-
кому посту, предваряющему Пасху.

20 августа в Троице-Сергиевой Лавре, в которой о возможности особых событий тем летом можно было услышать еще весной, в келье старца иеромонаха Филадельфа (в схиме — Моисея) был такой разговор.

— Все решает десант, — сказал его посетитель, человек с хорошим военным опытом.

— Все решает Пречистая! — возразил иеромонах.

Вечером 20 августа в Толгском монастыре — одном из святых мест России — началось праздничное Всенощное бдение в честь Толгской иконы Божией Матери. Здесь, в девяти верстах от Ярославля, в эту же ночь 1314 года, в дремучем лесу святитель Ростовский Трифон в огненном столпе в пяти локтях вышины видел образ Богоматери с Предвечным Младенцем на руках. А утром на месте чудного видения нашли икону явленной Богоматери. И повелел святитель Трифон быть у впадения Толги в Волгу иноческой обители. Здесь царь Иван Грозный после молебна пред чудотворной иконой получил исцеление от болезни ног, на его пожертвования был возведен главный собор монастыря — Введенский. В смутные времена враг разорил монастырь, его монахи и послушники приняли мученический венец. В 1913 году здесь побывал Государь Николай II, которого принимал тогдашний ярославский архиепископ, впоследствии Патриарх Московский и всея России, Тихон.

И вот теперь, в наше смутное время, в ночь явления Толгской иконы Божией Матери, когда в монастыре, как и по всей России и за ее пределами, шли усиленные молитвы, беда снова отступила от нашей земли.

21 августа утром я был в Николо-Хамовническом храме в Москве. Храме, где особо почитается

находящаяся здесь чудотворная икона Божией Матери «Споручница грешных». Посреди церкви на аналое лежала Толгская икона Всепречистой Девы... Во время Литургии храм вдруг сотряс страшный грохот. Казалось, он сильнее его стен. Стало ясно, что мимо по проспекту идут танки. Но куда? Когда мы вышли на улицу, оказалось, что они покидали Москву.

Помню, как были мы в Толгском монастыре два года назад, приехали тогда на двух больших автобусах. Молодые мужчины, оставив семьи и городские утехи, в пятницу вечером сели в Москве в автобусы и отправились в монастырь, куда приехали среди ночи, спали на полу, а утром взялись за дело. Их принимали, как родных, хорошо уже здесь знакомых. Монастырь епархиальный, бедный, монастырь женский, а тут — сильные мужские руки, и сварщики есть, и экскаваторщик, и плотники... Поднимали керамзит на чердак двухэтажного корпуса для утепления келий. Перетаскали, как говорилось, 30 тонн. Во время служб заходили в храм. И уехали. Вот и все. Но одному Богу известно, одна Мать Божия знает, из каких ниточек, чьими руками ткется рассвет над нашей многострадальной и такой счастливой Родиной...

«Призовем имя Господа — и спасемся»

Много мрачных прогнозов сегодня на будущее: о голодном, холодном времени, о братоубийственной войне, уже есть сообщения о холере... Но и тут, как и во всем, *вся возможна верующему* (Мк. 9, 23). И не от таких бед спасала нас молитва: и от войн, и от землетрясений, и от болезней.

«Батюшка Серафим говорил, что в обители никогда не будет холеры, что со временем

и оправдалось, потому что, когда была эта эпидемия повсеместно в округности, даже в д. Вертьянове и с. Дивееве, в монастыре ее не было, так что даже кто из мирских заболел и приносил его в обитель, тот выздоравливал и выхаживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сестры, напротив, заболели и умирали... — читаем в “Летописи...”. — По случаю этой смертоносной язвы многие обращались к о. Серафиму с письмами, иные лично приезжали просить его молитв и наставления, как предостеречь себя от опасности. Старец давал следующее наставление: “Призовем имя Господа — и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах — мы спасены. *Открыть ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит. И изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 5—6), только повинись Господу и умоляй Его”. К продолжению сего пути он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолудинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы. “Кто будет продолжать так, — говорил он, — тот не лишится милости Божией. Молитва — путь ко Господу. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите* (1 Фес. 5, 16—18). При таком блаженном и мирном состоянии души верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его — паче тьмы беззаконных”».

Некоторые призывают нас во всем следовать Западу. Но ведь они-то сами, родившиеся здесь и всю жизнь прожившие, говорящие на здешнем,

русском, языке, так и не смогли воспринять дух русского народа, его обычаи, его веру, его мироощущение. А как же мы перейдем образ жизни Запада, где большинство из нас и не бывало-то ни разу?

Да, конечно, мы обладаем способностью чутко улавливать особенности других народов, жить с ними в едином государстве, которого не знала мировая история. Но ведь эта особенность, как писали хорошо знавшие Запад Гоголь и Достоевский, есть наша, национальная, русская черта, связанная с усвоенным нашими поколениями христианским, православным смирением, которое лишь бездуховное, гордое зрение может принимать за рабство — смирение есть высшая свобода, Крест.

Вера! Вера нам нужна, как воздух. Главный дефицит нашего времени. Потому Господь и посылает нам все прочие дефициты — как еще нас встряхнуть, если мы духовных нехваток не ощущаем так, как материальные? Как еще дать нам понять, что что-то не так в нашей жизни — не в экономике, но в основе ее, то есть в нашем отношении к Богу, к делу спасения души?

Сегодня можно услышать: как же заводить детей, при таком положении — чем их кормить? Неужели Господь, Который дарует великое чудо: человека, не даст, чем его накормить и во что одеть? Может, логика тут обратная? Нам потому и нечего есть, что мы ежедневно убиваем тысячи наших детей, которые могли бы наследовать жизнь вечную.

Пока не будем соблюдать постных дней, нам не будет хватать еды.

Пока не будем прежде всего думать о Небесном, у нас не будет и земного.

Так учит непреложное слово святого Евангелия.

«Одно внешнее улучшение материальных условий жизни без предварительного нравственного улучшения самих людей, — писал протоиерей Борис Молчанов в книге “Антихрист” (Джорданвиль, 1970), — явилось бы полным торжеством зла, так как такое сытое благополучие закрепило бы безнадежное плотское состояние его участников, парализуя всякую возможность нравственного исправления и духовного совершенствования. Поэтому Христос и отвечал сатане: *Не о хлебе единым жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем из уст Божиих* (Мф. 4, 4). В этом ответе Господа не игнорируются телесные нужды людей, но ставятся на второе место после духовных потребностей...

Когда же для человека станет единственной ценностью только материальное благо, то он непременно станет полным рабом того, кто будет давать ему это благо».

Только молитва может истинно соединить народ, укрепить его силу. Умирить нашу жизнь. Избавить от грядущего поклонения антихристу — от самого страшного, что может с нами произойти, страшнее голода и мора. Может, наши земные трудности — это особая милость Божия и Царицы Небесной к нам? Чтобы мы проснулись от сна духовного, чтобы мы запасали духовную силу, пока есть такая возможность.

«Нужно бороться с надвигающимся царством тьмы теперь, когда возможность борьбы еще не отнята от нас, — писал там же протоиерей Борис Молчанов. — Всякое же уклонение от борьбы теперь, всякий хотя бы самый незначительный компромисс со злом во имя сосуществования с ним, допущенный сегодня, только еще более

увеличит трудность борьбы с ним завтра. *Подобает делати дела... дондеже день есть: приидет ноць, егда никтоже может делати* (Ин. 9, 4)».

Почему наша страна такая несчастная? Почему ей уготован такой путь? Что мы, хуже других? Эти вопросы лишены всякого трагизма для христианина. Ибо сказано Спасителем: *Будут последнии перви, и первии последни* (Мф. 20, 16), *неудобь богатый внидет в Царствие Небесное* (Мф. 19, 23), — едва ли не в каждой главе Евангелия дается ответ на эти вопросы.

В Послании к Римлянам святого апостола Павла есть слова, которые, может быть, тоже являются ключом к некоторой разгадке неисповедимого, разумеется, и непостижимого до конца Промысла Божия над Россией. В 9—11 главах речь идет о судьбе другого Богом избранного народа, и тоже до времени (как там сказано) отпавшего от Бога — израильского. Православный народ называют, как известно, Новым Израилем. Апостол Павел говорит римлянам:

Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь. (Рим. 11, 30—36).

Не в том ли один из глубинных смыслов и нашего падения в XX веке?

Уж если русский народ, хранитель православной веры на земле, в котором были явлены

великие дарования духовные, чью страну Сама Матерь Божия избрала Своим Домом, где было явлено больше всего Ее чудотворных икон, — если даже такой народ в большой части своей отпал от истинной веры, то как же тогда осудить за это отпадение весь мир?

А если помиловать весь мир, то как тогда не простить и русский народ, который попущением Божиим на время отпал от веры, но страданиями которого могут быть прощены и другие народы?

Но для этого народу нашему нужно покаяние в грехе богоотступничества. Тогда будет явлена великая милость Божия и ему, и всему миру. Таков главный смысл православных пророчеств о сути нашего времени.

Для этого — для того, чтобы укрепить нашу веру, чтобы проповедовать нам и принять наше покаяние, — и пришел к нам духовник земли Русской преподобный Серафим Саровский.

Покайтесь, приближибось Царствие Небесное (Мф. 3, 2) — этими словами началась новая эра, эра Христова на земле.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»¹⁴

1991 г.

¹⁴ Покаянный тропарь Великого поста. — *Прим. ред.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА*

Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать... А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение.

(1 Кор. 14, 1, 3)

Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское.

Непосредственно за апостолами стоят пророки (см.: Еф. 4, 11; 1 Кор. 12, 28). Их служение состоит главным образом *в назидании, увещании и утешении*. С этой именно целью, а также для указания или предостережения пророками предсказываются будущие события. Через пророка открывается воля Божия.

Пророческое служение — особый благодатный дар, дар Духа Святаго (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, видит душу человека, его прошлое и будущее.

Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни и требовалась от пророка с первых времен христианства: «Он должен иметь “нрав Господа”». От нрава может быть познан лжепророк и (истин-

ный) пророк», — говорит древнейший памятник II века «Учение двенадцати апостолов» (Дидахе)¹⁵.

Служения, перечисленные апостолом Павлом, сохранялись в Церкви во все времена. Апостольское, пророческое и учительское служения, являясь самостоятельными, могут совмещаться с саном епископа или пресвитера.

Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярче всего оно проявляется в монастырском старчестве.

Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех *назидали, увещевали и утешали*, исцеляли от болезней духовных и телесных. Предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Представляя собою прямое продолжение пророческого служения, старчество с этим именем и в этой форме появляется лишь в IV веке, вместе с возникновением монашества, как руководящее в нем начало.

Благодатное старчество есть одно из высочайших достижений духовной жизни Церкви — это ее цвет, это венец духовных подвигов, плод безмолвия и богосозерцания.

¹⁵ *Попов К.* Учение двенадцати апостолов. Киев, 1884. С. 21, 36. Профессор К. Попов, написавший об этом памятнике специальное исследование, относит его к концу I века. Следовательно, еще жив был тогда апостол Иоанн Богослов, а может быть, и другие апостолы. Благодаря этому памятнику мы узнаем многое из жизни первохристианской Церкви. Пять лет искал я, как оформить понятие о старчестве, так как в нашей современной богословской литературе его нет. И вот ответ на свое искание я нашел, хотя и под другим именем — не под именем старчества — в самом древнем христианском памятнике «Учение двенадцати апостолов».

Оно органически связано с иноческим внутренним подвигом, имеющим цель достижения бесстрастия, а потому и возникает одновременно с монашеством на заре христианства.

Но в беге времен старчество процветает местами, достигая апогея своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы, может быть, снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова восстающей. Так забыто оно было и в России ко времени Паисия Величковского. Он возродил старчество, которое и стало процветать у нас во многих местах.

И хотя это было возрождением древней традиции той же России, но для большинства казалось малопонятным новшеством. Протоиерей Сергей Четвериков, писавший о старцах, говорит, что в нашем дореволюционном прошлом русское монастырское старчество мало было изучено и недостаточно оценено русским обществом. Последнее имело смутное представление о старчестве¹⁶.

Даже наша молодая богословская наука не успела разработать этот вопрос. «Вопрос о старчестве в древнерусских монастырях совершенно не затронут в научной литературе. Судя по житиям, оно было общераспространено», — говорит профессор Н. И. Серебрянский¹⁷.

Также и церковная иерархия нередко становилась в тупик перед этим явлением. Отсюда частые гонения, которым подвергались старцы: преподобный Серафим Саровский, о. Варнава

¹⁶ См.: Четвериков С., прот. Из истории русского старчества // Путь. 1927. № 1. С. 74.

¹⁷ Серебрянский Н. И. Очерки по истории монашеской жизни в Псковской земле. (Цит. по: Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 26, сноска 5.)

Гефсиманский, Оптинский: о. Леонид, о. Амвросий, а на нашей памяти о. Варсонофий.

Конечно, далеко не все иерархи гнали старчество. Так, например, ему в свое время покровительствовали такие выдающиеся святители, как митрополит Гавриил или оба Филарета — Московский и Киевский, — которые сами были подвижниками и аскетами.

Но если непонимание старчества вызывало его гонение, то это непонимание было причиной и обратного явления, когда доверчиво принимались всякие проходимцы, самозванцы или самопрельщенные, которые выдавали себя за старцев, но ничего общего с ними не имели.

Такое невежество и легкомыслие общества приносило вред не только потому, что подрывало веру и уважение к этому имени, но было и губительно, так как было причиной духовной смуты и даже разложения в политической жизни страны.

Отметим еще одно явление псевдостарчества, которое мы можем наблюдать и в современной действительности: современное духовничество, как мы вскоре увидим, родилось из древнего монастырского старчества и является его вторичной формой. Благодаря родственности этих двух явлений, духовничества и старчества, у малоопытных священников, знакомых с аскетической литературой только теоретически, всегда может возникнуть соблазн «превышения власти» — перехода грани духовничества, чтобы старчествовать, — в то время как они даже понятия не имеют, в чем сущность истинного старчества. Это «младостарчество» (по одному меткому выражению) вносит разлад в окружающую жизнь. Оно таит опасность причинить и непоправимый вред душе опекаемого. Известны случаи даже самоубийства как результат такого повреждения.

От иноков-учеников требовалось всецелое послушание старцам-учителям: «Если кто имеет веру к другому и сам себя отдает в подчинение ему, тот не имеет нужды внимать заповедям Божиим, а должен предать волю свою отцу своему, и не останется виновным перед Богом»¹⁸.

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Это лично на себе испытал пишущий эти строки. Старец — непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости и неописуемого мира в душе. Напротив того, лжестарец заслоняет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и — почти всегда — уныния. Мало того, всецелое преклонение ученика перед лжестарцем вытравливает в нем личность, хоронит волю, извращает чувство справедливости и правды и, таким образом, отучает его сознание от ответственности за свои действия.

О лжестарчестве Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) говорит так: «Страшное дело — принять по самомнению и самовольно на себя обязанности (старчество), которые можно исполнить только по повелению Святаго Духа и действием Духа, страшное дело — представлять себя сосудом Святаго Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто, и сосуд не перестает оскверняться действиями сатаны (т. е. еще не достигнуто бесстрастие). Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно оно перед Богом, богохульно»¹⁹.

¹⁸ Смирнов С. И. Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2.

¹⁹ Игнатий (Брянчанинов), свт. Сочинения. СПб., 1867. Т. 4. С. 94.

Лжестарчество вызывает гипноз идей. И так как в основе лежит ложная идея, эта идея вызывает духовное ослепление. Когда ложная идея застилает реальность, то никакие доводы больше не принимаются, так как натываются на *idée fixe*, которая считается незыблемой аксиомой.

Человек движется вперед, как сомнамбула, пока не ударится лбом о стену. Он разбивает голову себе и зачастую тем, кто с ним связан. Подобная катастрофа постигает приверженцев лжестарчества. Оттого среди них так часты случаи самоубийств и всякого рода отчаяния.

Отчаяние есть первый симптом того, что человек болен духовной болезнью, которую мы именуем гипноз идей. Отчаяние — это неизбежный результат крушения тех построений, которые созданы на ложном основании. Отчаяние есть осязательное доказательство того, что человек попал в заколдованный круг, им же самим созданный, благодаря неверным, ложным предпосылкам. *Отец же лжи есть диавол* (ср.: Ин. 8, 44).

Такая трагедия постигает приверженцев лжестарца. Поэтому лжестарчество есть явление антихристианское, ведущее к погублению душ.

Когда истинные старцы, можно сказать, отсутствуют, люди, жаждущие найти себе духовную опору, выбирают какое-либо духовное лицо, им почему-либо симпатичное, и говорят: «Я отношусь к нему, как к старцу». Если духовник окажется трезвым, духовно-честным, он резко отстранит такое отношение. Но сколько таких, которые охотно попадают в сети, им расставляемые. Ибо это «лицедейство», по выражению епископа Игнатия (Брянчанинова), ведет самозванного старца к духовной смерти. Он сам теряет почву под ногами и идет кривыми путями, растеряв все то, что собирал и приобретал за всю прошлую жизнь.

Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святаго. Всякие же подделки и фальсификации — суть явления с левой стороны. Если первое ведет к жизни, то второе, если человек вовремя не опомнится, ввергнет его в полное расстройство духовной жизни, имеющее концом всякого рода катастрофы.

Нельзя отнести к старчеству и другое, наблюдаемое в последнее время в монастырях: это установление так называемых монастырских старцев, которым поручается чисто внешнее руководство первоначальными и обучение их монастырским обычаям и послушаниям. Но здесь не подразумевается наставление о внутренней брани или благодатное руководство братьями.

В труде профессора В. Н. Малинина «Старец Филофей»²⁰ мы находим целый ряд примеров употребления слова «старец» в различных значениях по письменным памятникам XV и XVI веков. Так, слово «старец» обозначало:

1) вообще престарелого инок, независимо от его иерархического положения в среде братства монастыря, в противовес мирскому человеку (грамота архиеп. Феодосия в Псково-Печерский монастырь от 1543 г., а также в актах);

2) иногда под старцем разумеется монах, не имеющий никакой степени священства, и в этом случае старец противопоставляется игумену, священнику и диакону (грамота великого князя Василия Иоанновича от 1533 г.);

3) в некоторых многолюдных монастырях со временем выделялись старцы соборные, принимавшие участие в управлении делами монастыря

²⁰ Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

вместе с игуменом, келарем и казначеем (уставная грамота Соловецкого монастыря от 1548 г. и др.);

4) старцем называется тот, кому поручено духовное руководство новонаначального или падшего инока (грамота архиеп. Феодосия от 1543 г.);

5) эти старцы-руководители обыкновенно выбирались из лиц высокой нравственной жизни, назывались иногда духовными старцами. Они пользовались большим почетом и считались кандидатами не только на должности монастырские, но даже в митрополиты. Имело значение, конечно, и прежнее социальное положение инока в миру. Защищая монастырскую недвижимость, преподобный Иосиф Волоцкий писал: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благоразумному человеку постричися, и аще не будет честных старцев, отколе взять на митрополию, или архиепископа, или епископа. А коли не будет честных старцев и благородных, то будет вере поколебание»;

6) в значении наставника, руководителя старцем является и игумен монастыря. Вот, например, древняя Триодь Волоколамского монастыря с надписью: «Триодь постная, письмо самого отца нашего преподобного старца Иосифа Чудотворца».

Наконец, прибавим от себя, слово «старец» как раньше, так и теперь может быть отнесено ко всякому монаху. Всякий монах как таковой есть ἱερόν или καλοῦγερὰς, т. е. «старец». Славяне это наименование употребляли или буквально: «калутер», или переводили: «старец»²¹.

Но все эти понятия, вкладываемые в слово «старец», не соответствуют тому понятию старца-харизматика, которое является предметом нашего исследования. Также и сам старец Филофей

²¹ См.: Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 2. С. 170.

не относится к последнему типу — это обыкновенный учительный старец, не одаренный особыми харизмами.

С самого своего возникновения монашество ставило себе целью достижение бесстрастия. Вся аскетическая литература говорит о психологических законах, по которым протекает жизнь души, указывает пути очищения от страстей, разрабатывает методы к достижению бесстрастия, говорит о нем и связанных с ним безмолвии и богосозерцании. Создается целая наука о душе, и возникает целое исихастическое богословие. Новоначальный монах самостоятельно не в состоянии разобраться во всем этом огромном материале. На пути к бесстрастию должен быть руководитель, учитель-старец, сам прошедший эту школу и достигший уже бесстрастия.

Обратимся теперь к историческому исследованию происхождения современного духовничества и его связи с древнемонастырским старчеством, которое проводит профессор С. И. Смирнов в своем труде «Древнерусский духовник»²². Этот труд помогает нам, с одной стороны, раскрыть понятие старчества, а с другой — уяснить современное состояние духовничества, его происхождение, а также взаимоотношение и границы этих двух институтов Церкви.

Профессор Смирнов в своей магистерской диссертации «Духовный отец в древней Восточной Церкви»²³ указывает, что харизматические явления первых веков христианства повторились среди древнего монашества, что старцы были носителями этих харизм — особых даров Святого Духа,

²² Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913.

²³ Смирнов С. И. Духовный отец в древней Восточной Церкви. Сергиев Посад, 1906.

подаваемых человеку непосредственно от Бога по личной заслуге.

Духовные писатели устанавливают чрезвычайно высокую точку зрения на монашество. Подвижник в идеале есть существо богоносное, духовносное, бог. Как таковой он получает духовные дарования, излияниями которых отличались первые времена христианства. Дары пророчества, изгнания бесов, исцеления болезней и воскрешения мертвых не являются исключительными. Они обнаруживают только нормальную степень духовного возраста инока.

Тайная исповедь и духовническое врачевание рассматривались тоже как благодатный дар *разсуждения духовом* (1 Кор. 12, 10). Он не связывался с иерархической степенью епископа и пресвитера, а был приобретаем пострижением в схиму²⁴. «Право вязать и решить», или «власть ключей», они трактовали, как совершенство дарований²⁵.

В древних монастырях Востока исповедь и покаяние слагаются в самостоятельную систему, отличную от современной ей церковной покаянной дисциплины.

Рассмотрим, какова эта монастырская практика. «Отец духовный» — «πνευματικός πατήρ»²⁶ —

²⁴ См.: Смирнов С. И. Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2. С. 377–378.

²⁵ Там же. В древности не существовало взгляда на sacramентальную исповедь как на единственное и неизбежное средство для прощения грехов, допущенных человеком после крещения. Исповедь и покаяние представлялись только одним из многих способов очищения от грехов. Св. Иоанн Златоуст, например, указывает пять таких способов: 1) публичная исповедь; 2) путь плача о грехах; 3) смирение; 4) милостыня — царица добродетелей; 5) молитва.

²⁶ Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам. Этот термин появляется уже с IV века и существует до половины IX века.

обозначает собою не священника, не исполнителя епископского поручения; это «простой монастырский старец, обязательный наставник инока, самостоятельно поставленный в монастыре и свободно выбранный учеником, большею частию не имевший священного сана... Он брал души учеников на свою душу, руководил ими в каждом шаге духовной жизни, а потому, принимая исповедь их помыслов и дел, поощрял и наказывал»²⁷.

Нравственно-бытовые отношения старца и ученика — духовного отца и духовного сына — очень скоро и рано выработались внешне и внутренне в прочную и стройную систему, окрепли в монастырски-бытовую форму. Древний старец, как позднейший духовник, совершал исповедь и принимал покаяние. Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам, начиная с мимолетного помысла, слегка возмущившего монашескую совесть, кончая смертным грехом.

Распространение влияния старчества в мирской среде начинается очень рано, вероятно, с первых же лет установившегося монашества. На исповедь к старцам ходят миряне, минуя своих пастырей.

За иной канонический грех Древняя Церковь подвергала виновного сначала отлучению, а затем публичному покаянию. Старец же, принявший исповедь, тотчас примирял совесть, «решил и вязал».

Со временем монастырские старцы — духовные отцы — превращаются в духовников.

Каким же путем совершился переход старчества в духовничество, т. е. превращение монастырского института в общецерковный и сближение старческой исповеди с сакраментальной?

²⁷ Смирнов С. И. Древнее духовничество и его происхождение // Богословский вестник. 1906. № 2. С. 377—378.

Начало этого явления мы можем уловить в Византийской Церкви только со времени гонения Льва Армянина (813—820) на иконопочитателей, когда монастырские старцы были признаны официально Константинопольским патриархом Никифором Исповедником как законные совершители Таинства покаяния наряду с епископами и пресвитерами. Мера вызвана была нуждами времени: Православию грозила опасность, и оно опирается на содействие наиболее ревностных защитников иконопочитания — монахов, главным образом студитов. Будучи местной, эта мера пролагала путь к вытеснению белой иерархии из покаянной практики на всем православном Востоке и на долгое время, что произошло уже после эпохи Вселенских Соборов. В течение X—XII веков тайная исповедь окончательно завоевывает господствующее положение, вытеснив исповедь публичную и покаяние по канонам.

Итак, институт «духовного отца» сначала появляется в форме монастырского старчества. Термин «духовный отец» служит долгое время для обозначения монастырского старца. Затем эта церковно-бытовая форма целиком повторилась в позднейшем духовничестве. Монастырски-бытовая форма превратилась в форму церковно-бытовую и в таком виде просуществовала на Востоке почти неизменно целый ряд столетий²⁸.

При возникновении христианства на Руси духовенство, пришедшее из Греции и из Болгарии, принесло с собою почти готовую дисциплину покаяния и институт духовничества в тех бытовых чертах своих, в которых они зародились и сложились на Востоке в период Вселенских Соборов.

²⁸ См.: *Смирнов С. И. Древнерусский духовник*. М., 1913.

У нас дисциплина просуществовала почти нетронутой до начала XVIII века, так как древнерусская церковная власть, живя традицией и стариной, проявляла в этой сфере очень мало творчества.

Покаянные дисциплины Греческой и славянских Церквей несколько отличались между собой. По-видимому, у южных славян была допущена одна важная особенность — участие белого духовенства в духовничестве, чего не знала Греческая Церковь того времени. Возможно, что не в одинаковой степени сохранились остатки древнехристианской публичной дисциплины.

Хотя мы покаянную дисциплину получили из Греции и Болгарии, однако у нас, в отличие от них, в силу огромного пространства территории очень быстро перестал существовать отдельный класс духовников, и право на совершение исповеди стал получать каждый белый священник при своем поставлении.

Другой особенностью Русской Церкви явилось то обстоятельство, что духовник стал, таким образом, непременно и носителем пресвитерского сана.

Рассмотрим теперь, какова же была эта дисциплина. По обычаю того времени, всякий волен был выбирать себе духовника по своему желанию, но уже раз выбранного не имел права оставлять.

Отношение к последнему характеризуется безусловным, беззаветным и беспрекословным повиновением ему, постоянством и верностью до конца жизни. Духовник же, со своей стороны, принимает всю ответственность за грехи своего духовного сына и грехи его берет на свою душу. Приведем пример такой передачи грехов: выслушав исповедь и прочитав молитвы над преклоненным покаянным сыном, духовник подымает его с земли

и возлагает правую его руку на свою шею со словами: «На моей вые согрешения твоя, чадо, и да не истяжет о сих Христос Бог, егда приидет во славе Своей на Суд Страшный».

Духовник «не точию свидетель есть» покаяния духовного сына пред Богом, но является как бы ответчиком за его грехи.

Грех сына, сообщаемый духовнику на исповеди, становился их общим грехом, они являлись как бы соучастниками преступления. Будучи «поручником стада» своего, древний русский духовник становился вождем его, ведущим в высший Иерусалим, должен был открыть ему Божие Царство и привести к Престолу Божию, чтобы сказать: *Се, аз и чада, яже ми еси дал* (ср.: Ис. 8, 18). Духовный отец был безусловным и неограниченным руководителем своих духовных детей, подобно игумену или старцу в монастыре, и наложенная им епитимия была все равно что заповеди Божии, и что духовник связывал, то только он и мог один развязать.

Труды профессора С. И. Смирнова ценны для нас тем, что они вскрывают генезис старчества и современного духовничества. Они освещают эти явления с исторической и бытовой стороны.

Становится ясным, что быт и церковная дисциплина с самого начала возникновения христианства на Руси были благоприятны старчеству. И мы увидим в дальнейшем, что оно расцвело на этой почве и существовало на протяжении всей русской истории.

Из предыдущего мы уже знаем, что старец — руководитель своего ученика в трудной и крайне сложной духовной брани, цель которой — достижение бесстрастия. Чтобы руководить другими, старец сам должен быть в этом состоянии.

«Кто сподобился быть в сем устроении (т. е. бесстрастии), — говорит епископ Феофан Вышенский, — тот еще здесь, облеченный брэнною плотию, бывает храмом Живого Бога, Который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он по причине внутреннего просвещения познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас.

И вот, наконец, Богообщение и Боговселение, последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге, и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы, как Он в Отце, и Отец в Нем, так и всякий верующий был едино с Ним (см.: Ин. 17, 21)... Таковые суть *храм Божий* (1 Кор. 3, 6), и *Дух Божий живет* в них (Рим. 8, 9).

Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов.

Богоявление же является источником множества других благодатных даров, и первое всего — пламенной любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: *Кто нас разлучит от Бога?* (ср.: Рим. 8, 35).

А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного.

Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с *разумом*, то не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие *бесстрастия* и чрез то удостаивающиеся преискренного Богообщения и Боговселения изводятся оттуда на служение ищущим спасения, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути

спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими»²⁹. — И далее продолжает Затворник Вышенский: «Достигшие совершенства слышат голос Божий явно в душе своей. На них начинается сбываться слово Господа: *Когда приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16, 13). И апостол Иоанн также пишет: *Помазание (от Духа) в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте* (ср.: 1 Ин. 2, 27)»³⁰.

Рассмотрим теперь вопрос о старчестве по материалам, какие мы находим у профессора С. И. Смирнова в его труде «Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока»³¹.

По древним монашеским представлением, старец — существо богоизбранное и богоодаренное. Всякий старец непременно обладает какими-

²⁹ Вот прямое указание, что при принятии на себя подвига старческого служения требуется особый зов Божий или непосредственно, как было с особо великими святыми (преподобный Серафим), или за послушание другому старцу, как мы видим в жизнеописании старца Варнавы или слепца старца Агапита Валаамского и лично нам известного, недавно скончавшегося старца, прот. Николая Загоровского (в тайном постриге Серафима), получившего благословение на старчество от Оптинского старца отца Анатолия. Такое же «послушание Божию велению» требуется и при взятии на себя подвига юродства. Как в прежнее время появлялось множество лжеюродивых, такое же бедствие постигло современную нам русскую эмиграцию в лице лжестарцев.

³⁰ Цит. по: *Вениамин (Федченков), архиеп.* Всемирный светильник. Париж, 1932. С. 81. Ссылается на Феофана Затворника, «Лествицу», Исаака Сирина и «Добротолюбие».

³¹ См.: *Смирнов С. И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский вестник. 1905. № 2—4.

нибудь духовными дарованиями. Прежде всего дар *различения духов* (χαρίσμα διακρίσεως τῶν πνευμάτων), о котором говорит апостол Павел (см.: 1 Кор. 12, 10). Дар различения духов необходим для монаха. Еще Антоний Великий предписывает молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы *не всякому духу веровать* (ср.: 1 Ин. 4, 1). Дар различения получается путем подвига и с помощью старческих молитв. Варсануфий Великий заявляет: «Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Я молю Бога даровать тебе оное, но пусть и твое сердце поболезнует немного, и Бог подаст тебе это дарование... Когда Бог, по молитвам святых и за болезнование твоего сердца, даст тебе сие дарование, то всегда уже будешь в состоянии различать помыслы Духом Его»³².

Различать внушения в душе человека со стороны Святаго Духа и Ангелов и со стороны духов злобы не так легко, потому что они не являются отличными, как свет и тьма. Действие благодати обнаруживается в мире и радости, в блаженном настроении, но и грех сладок, и сладкий недуг страсти, особенно страсти духовной, нетрудно смешать с блаженством духовным. «Грех преобразается в светлого ангела и уподобляется почти благодати»³³, — говорит Макарий Великий и указывает признаки того и другого. Внушения в душе человека обнаруживаются в виде тонких и порою сложных помыслов (λογισμός), в «сердце рождающихся» или «вкрадующихся в рассудок»,

³² *Варсануфий Великий, Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 200 (Ответ 262).

³³ *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 65 (Беседа 7, вопрос 3).

порывающихся «откуда-то совне»³⁴. Чтобы склониться к доброму внушению и исполнить его, чтобы пресечь худой помысл и сделать его бессильным, нужно открыть источник каждого внушения или помысла. Но в состоянии это сделать только человек, достигший высшей меры духовного возраста, внутреннее око которого очищено. «Если человек не достиг сей меры, то не может различать (оных помыслов), но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи, как хотят, особенно для тех, кто не знают козней их»³⁵.

Проявление в монашестве чрезвычайного дара различения духов встречается с первого его времени. Св. Афанасий сообщает о преподобном Антонии Великом, что он «имел дар различения духов» (χάρισμα διακρίσεως πνευμάτων ἔχων)³⁶. Преподобный Евагрий, известный писатель-подвижник, между другими благодатными дарованиями обладал даром различения духов и очищения помышлений (gratia discernendorum spirituum et purgandarum... cogitationum). Никто из братии не возвышался до такой степени духовных отношений. Он приобрел дар этот из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией (per gratiam Dei)³⁷. Об авве Сериде рассказывается: «И помолился

³⁴ Цит. по: *Попов К. Д.* Блаженный Диадокх (V века), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения. Киев, 1903. С. 68–84.

³⁵ *Варсануфий Великий, Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 44 (Вопрос 59).

³⁶ *Афанасий Великий, свт.* Творения... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Ч. 3. С. 214–245.

³⁷ *Руфин, пресвитер.* Жизнь пустынных отцов (Гл. 27. О старце Евагрии).

Богу даровать ему дарование рассуждения, приобретя которое он мог с помощью небесной благодати путеводить к жизни души, врачевать оскорбленных, преподавать целительное врачевство, слово, от Духа истекающее» (χάρισμα)³⁸.

«Затрудняемся сказать, — говорит дальше профессор С. И. Смирнов, — в каком отношении к дару различения духов стоит дар *прозорливости*, который между прочим выражается в способности проникать непосредственно в нравственное состояние другого человека, читать в душах других людей. Есть ли прозорливость самостоятельное духовное дарование или особый вид пророческого дара различать духов, говоря конкретнее — ощущать присутствие духов злобы или Ангелов, — мы не знаем. Только это дарование более редко, чем различение духов. Однако примеры обладания этим даром идут также с первых времен монашества. Пахомий Великий и Феодор Освященный обладали даром прозорливости. Каждый узнавал грехи братии или по Духу Божию, “Который был на нем”, или же по откровению от Ангела. Дар этот подвижники употребляют в интересах исправления людей. Преподобный Гелен поселился в одной обители, “некоторым он открывал тайные помышления и советы сердца: один увлекался духом прелюбодеяния, другой — духом гнева... в иных прозревал кротость, праведность, терпение... И те, которых он обличал, сами должны были признать, что он как бы читает в душах их, и сокрушались сердцем”³⁹. Преподобному Иоанну

³⁸ *Варсануфий Великий, Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 360 (Повесть об авве Сериде. Ответ 572).

³⁹ *Руфин, пресвитер.* Жизнь пустынных отцов. (Гл. 11. О Гелене).

“открыто было поведение каждого брата в соседних монастырях, и он писал отцам, извещая, что вот такие-то и такие-то предаются нерадению и не исполняют в страхе Божиим положенного правила, а другие — преуспевают в вере и духовном совершенстве; писал и самим братиям... Деяния и самые поводы к ним, подвиги, равно как и нерадение, он заочно так изображал, что иноки, сознавая правду написанного про них, приходили в сокрушение совести”⁴⁰. Преподобный Стефан Савваит также в изобилии обладал этим даром — умел “видеть духом”. Он сам говорил: “Я удостоен от Бога дара прозорливости и понимаю по одному виду и зрению помыслы и тайные страсти души из всего, что мы зрим, или о чем нас спрашивают, или кто к нам попадает, я узнаю духовные и душевные нужды”»⁴¹.

Один из живых примеров старческого служения находим мы в житии преподобного Серафима. Это ярко выступает в рассказе о том, как к нему пришли одновременно владимирский купец и будущий наместник Сергиевой Лавры, тогда игумен Антоний, строитель Высокогорской пустыни.

Отца Антония о. Серафим попросил сесть обождать, а с купцом начал разговаривать.

— Все твои недостатки и скорби, — сказал он, — суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои.

И затем кротко и ласково начал обличать его в пороках, но с такой теплотой сердца, что оба слушателя заливались слезами. В заключение велел купцу отговориться в Сарове, обнадеживая его, что в случае искреннего покаяния Господь не отнимет от него Своей благодати и милости. Купец

⁴⁰ Там же. (Гл. 15. Об Апеллии и об Иоанне).

⁴¹ Vita St. Steph. Iulii, 522—538.

с умилением поклонился ему в ноги, обещая исполнить все его советы, и в слезах, но с облегченной душой вышел от него.

Удивленный прозорливостью старца, о. Антоний сказал потом:

— Батюшка! Душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале в моих глазах: не выслушав духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы ему все высказали.

Отец Серафим не сказал ни слова. Строитель продолжал:

— Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничего не сокрыто в сердце ближнего.

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

— Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог — сердцеведец; а *человек приступит, и сердце глубоко* (Пс. 63, 7).

За сим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что он приблизил к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог вещает тайны сердца человеческого; а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня — велико».

Строитель опять спросил:

— Да как же, Батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

— Он шел ко мне, как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию. Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий: что мне повелевает Господь, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю,

не зная, что у моего собеседника на душе; а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решив умом: в таких случаях всегда делаются ошибки⁴².

Из этого случая видно, что преподобный Серафим готовил о. Антония к его будущему служению и раскрывал ему духовные законы.

Весьма назидательную и многообъяснительную сию беседу Старец заключил так: «Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю»⁴³.

Из сего видно, что Сам Всемогущий Господь говорил устами преподобного Серафима. Поэтому он, не задумываясь, сразу отвечал с полной несомненностью и говорил даже и то, что не приходило и на помысл его собеседнику, но что открывал Дух Святой.

Решительно то же самое говорил Оптинский старец о. Варсонофий своему духовному сыну Василию Шустину⁴⁴: «Отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Пойдешь к себе в келлию, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение,

⁴² См.: *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*. СПб., 1903. С. 370.

⁴³ *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*. СПб., 1903. С. 371.

⁴⁴ Прот. Василий Васильевич Шустин (1886—1968), духовный сын св. прав. Иоанна Кронштадского, после его кончины окормлялся у Оптинских старцев прпп. Варсонофия и Нектария; священный сан принял в эмиграции.

то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это и есть действительный ответ и совет, которого если не исполнит спрашивающий, то навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать особенно ярко проявляющаяся в старчестве после приобщения Святых Таин»⁴⁵.

Иначе говоря, это есть совет, преподанный не через человеческий разум, а через наитие Свыше, так называемое в аскетике сердечное извещение. Так бывает по отношению к внешним, но и между старцем и его учеником, когда отношения уже более интимны, старцу открывается об ученике гораздо больше. Тот же о. Варсонофий открывает эту тайну своему любимому духовному сыну: «Тут он задумался, видимо, чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества... “Нас называют прозорливцами, указывая, что мы можем видеть будущее; да, великая благодать дается старчеству — это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая; прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени...”»⁴⁶.

«Интимная связь старца и ученика простирается до того, что старец принимает на себя его грехи после исповеди, что является возможным

⁴⁵ *Шустин В., прот.* Из личных воспоминаний. Белая Церковь, 1929. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 49.

благодаря тем благодатным дарам старца, которые мы только что рассмотрели. “Монах, тревожимый демоном хулы, целых 20 лет напрасно боролся с искушением, наконец написал на хартии свою немощь и пошел на исповедь к старцу. Отдав ему свое писание, монах повергся на землю. Старец, как скоро прочел, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: “Возложи руку твою, чадо, на выю мою”. И когда инок сделал это, великий старец говорит: “На вые моей грех этот, сколько лет не действовал и не будет действовать в тебе, а ты уж после этого не ставь его ни во что”. И этот монах подтверждал, что прежде, нежели вышел он из келлии старца, немощь его прекратилась”⁴⁷.

Другим, и притом более обязательным, средством прощения грехов было молитвенное предстательство пред Богом за грешника со стороны лица, принявшего его исповедь. Авраам, ученик преподобного Сисоя, был однажды искушен от демона. Старец, увидя его падение, встал, простер руки к небу и сказал: “Боже, угодно ли Тебе или неужгодно исцелить, но я не отступлю от Тебя, пока Ты не исцелишь его...” И ученик тотчас исцелился⁴⁸. Когда старец принял исповедь инока, отрекшегося от веры и от святых своих иноческих обетов, он наложил на падшего епитимию и прибавил: “А я буду умолять Бога за тебя”. Старец трудился за брата и молился Богу: “Господи, прошу Тебя, даруй мне душу эту и приими покаяние ее”. И слышал Бог молитву его⁴⁹.

⁴⁷ Ср.: *Иоанн Лествичник, прп. Лествица*, в русском переводе... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 157 (Слово 23, отд. 54). Этот рассказ лег в основу исповеди в Древней Руси, как мы видели выше.

⁴⁸ *Apoph. // Migne. PG. T. 25. Col. 3961.*

⁴⁹ Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 108–109 (Гл. 5, § 41).

Приводим аналогичный рассказ из “Лавсаика”. Авва Аполлос говорил предводителю разбойничьей шайки: “Если ты, друг, слушаешь меня, то я умолю Владыку простить тебе грехи”⁵⁰.

Молитвы старца в большей степени возбуждали милосердие Божие к грешнику и доставляли ему прощение, чем его собственные покаянные подвиги. По рассуждению преподобного Варсануфия, грешник, “будучи сам недостаточен к уплате долгов своих, приносит малое, а молитвы святых (т. е. старцев) — многое”. Но это не освобождает ученика от личного подвига: “Знак великого невежества, чтобы не сказать безумия, искать спасения молитвами святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами...”⁵¹ Молитва в таких случаях бесплодна.

Связь старца и ученика не разрывается даже смертью. Молитвы старца о послушнике неизменно сопровождали его в пути жизни как этой, так и будущей, и на земле и за гробом. Инок спрашивает подвижника: “Как должно молить отцов о прощении грехов своих? Говорить ли: простите меня, или: испросите мне прощение? Когда молю Самого Господа, как должен я говорить?” Ответ дается такой: “Когда молим отцов, отошедших к Богу, то следует говорить: простите меня, когда же еще пребывающих с нами, то: помолитесь о нас, чтобы получить нам прощение. А когда молишь Самого Владыку, говори так: помилуй меня, Владыка, ради святых Твоих мучеников

⁵⁰ Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик... Св.-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992. С. 121 (Гл. 47. Об авве Аполлосе).

⁵¹ Ср.: Варсануфий Великий, Иоанн, прп. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1892. С. 403 (Ответ 622).

и ради святых отцов, и молитвами их прости мне согрешения мои”⁵².

Один брат, почувствовав приближение смерти, просил у преподобного Варсануфия прощения. Старец отвечал ему: “Не скорби, брат: смерть без грехов не смерть... Говорит же тебе Бог Великий Царь наш: прощаются тебе все грехи твои; преимущественно за молитвы и моления святых (т. е. старцев) и ради твоей веры в Него”⁵³»⁵⁴.

Высочайшие благодатные дары неразрывно связаны с глубочайшим смирением. Отца Амвросия Оптинского спросили: «Можно ли желать совершенствования в жизни духовной?» Ответ старца: «Не только можно, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, т. е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари»⁵⁵.

Старчество никогда не превозносилось своими духовными дарованиями и отнюдь не ставило себя выше духовной иерархии.

Вот что пишет в IV веке подвижник и старец св. Феодор Освященный о смирении: «Велик дар видений, как дар Святаго Духа, но велика должна быть при сем и осторожность. Да не мыслит о себе такой человек много, будучи сам ничто, и да не увлекается желанием владеть более даром видений, дабы все его благочестие и вера не обратились в дым и тень, что со многими случалось. Это говорю не тем только, которые не достигли высшей

⁵² Там же. С. 439—440 (Вопрос 713 и ответ).

⁵³ Там же. С. 101 (Ответ 144).

⁵⁴ *Смирнов С. И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский Вестник. 1905. № 3. С. 475—478; № 4. С. 733—774.

⁵⁵ Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 99.

степени совершенства, но и тем, которые стоят на нем, дабы все мы о себе и своих делах думали смиренно и молились о том, чтобы избежать вечных мучений. Об этом молились и самые святые — Давид не говорит ли: *Сохрани душу мою и избави мя* (Пс. 24, 20). Св. Павел не говорит ли также: *И избавлен бых от уст львовых* (ср.: 2 Тим. 4, 17).

Поистине мы имеем дело с врагом тонким и хитрым, который часто заблуждение и ложь прикрывает видом истины, так что, не имея особого дара различения, мы всегда в опасности обмануться. Но тот не будет прельщен, кто во всем без исключения повинуется Богу и его рабам.

Наблюдая сие, братия, каждый да хранит данную ему (от Бога) меру благодати, пастырь ли он или овца. Но все будем молиться, дабы быть в числе овец. Ибо один только есть истинный Пастырь — это Тот, Кто сказал о Себе: *Аз есмь Пастырь добрый* (Ин. 10, 14). Но после того, как Господь Бог явился, после того, как и Слово Божие приняло образ и подобие человека и по особой милости, чрез познание истинной веры, поставило нас на путь спасения, потом, восходя на небо, поставило преемниками Себе апостолов, мы и теперь имеем нужду в пастырях, чтобы пастись в Господе».

Несмотря на все благодатные дары Святого Духа, св. Феодор смиряется перед епископом: «Знаем, что апостолам в достоинстве отцов преемствовали епископы. Те, которые в их голосе слышат голос Иисуса Христа, суть истинно сыны Божии, хотя бы не были из клира».

Профессор Казанский в своей книге «История православного монашества на Востоке», откуда приведены слова св. Феодора, комментирует их следующим образом: «Таким образом, сей святой человек, коего опытность в благодати видений

и откровений не могла быть большею, научает нас судить о них только по сообразности с решениями Церкви, и суждение епископов, назначенных для наставления, предпочитает всем частным откровениям»⁵⁶.

По словам св. Афанасия, и св. Антоний Великий высказывал смирение, подобное сему: «Как ни был славен Антоний, но никогда слава не омрачала его смирения: смиренно наклонял он голову перед епископами и пресвитерами. Дияконов, приходивших к нему за наставлениями, назидал словом и вместе просил молиться за себя»⁵⁷.

Этот случай относился к древности, но такое же точно отношение видим мы и у современного нам Оптинского старца. В жизнеописании старца о. Варсонофия мы ниже приводим случай, когда он запретил С. А. Нилусу восставать на епископа, допустившего варварское реставрирование чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. «Только не идите войной на епископский сан, — заключил свою речь старец, — а то вас накажет Сама Царица Небесная»⁵⁸.

Приведем теперь пример идеального отношения одного из величайших епископов Афанасия Великого к одному из величайших старцев, наставнику десятков тысяч монахов Феодору Оsvященному.

Последний «взял с собою более уважаемых в братстве и имеющих лучший голос в пении и пошел навстречу св. Афанасию, который, пользуясь миром Церкви, посещал Египет и в то время по Нилу плыл в Фиваиду. Он встретил его повыше

⁵⁶ *Казанский П. С.* История православного монашества на Востоке. М., 1854. С. 215.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ См. гл. XIV наст. изд.

округа Ермипольского. По обоим берегам реки было бесчисленное множество народа, среди коего находились епископы, великое число клириков и множество иноков, кои стекались туда из всех соседних мест.

Святой Афанасий, увидав Феодора с иноками, сказал словами пророка: *Кии суть, иже яко облацы летят, и яко голубие со птенцы ко мне?* (Ис. 60, 8). Он с любовью приветствовал Феодора и с отеческим участием спрашивал о состоянии его обитателей.

Святой Афанасий, выйдя на берег, сел на осла, которого святой Феодор, взяв за узду, провел через толпу народа, шедшего с горящими факелами, при пении иноками псалмов и священных песен. Афанасий, видя смирение Феодора и ту радость, с которою совершал свое дело, сказал окружающим слова, свидетельствующие о смирении как Феодора, так и самого Афанасия: “Смотрите, с какою ревностью идет впереди нас сей начальник множества иноков. Вот истинные отцы, более заслуживающие носить сие имя, чем мы, по своему смирению и покорности ради любви Божией. Как блаженны и достойны уважения те, кто постоянно носят крест своего Спасителя, славу свою полагают в унижении, покой в труде до тех пор, пока воспримут венец из рук их Владыки...”⁵⁹.

В лице этих двух святых — старца и епископа — мы видим образец идеального отношения. Старец смиряется перед епископом, как если бы был пред ним Сам Христос, а епископ перед старцем, так как чрез него непосредственно открывается воля Божия. В этом сотрудничестве, в этом синергизме епископского, сакраментально-административного, служения и старческого,

⁵⁹ Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. М., 1854. С. 221.

руководительно-пророческого, в их гармоническом сочетании-симфонии кроется залог расцвета духовной жизни Церкви. Разительный пример этого мы находим в сотрудничестве митрополита Гавриила (Петрова) с архимандритом Феофаном Новоезерским, что создало целую эпоху расцвета монашества и духовной школы⁶⁰.

Из свойств старца вытекает и безграничная его власть. По поводу власти старца профессор Смирнов говорит: «Неизвестно точно, с какого момента времени, но, по-видимому, очень рано, в монастырях и игуменским, и старческим епитимиям стали придавать большее значение, чем просто-му дисциплинарному наказанию. Епитимия признавалась не разрешимой никакой иной властью, кроме наложившей ее. Происходило это из представления об абсолютной игуменской и старческой власти, а также от того, что в епитимиях старцев стали видеть проявление связующей и решающей власти, данной Господом апостолам, хотя большая часть игуменов и старцев не имела иерархического сана»⁶¹.

Наложенную старцем епитимию никто, кроме него, не может отменить. В подтверждение этого Феодор Студит приводит рассказ: «Один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все откладывал. Недовольный этим, в негодовании старец наложил на ученика запрещение не вкушать хлеба, пока не исполнит порученное дело. Когда ученик отправился исполнить порученное повеление, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от наложенного на него запрещения.

⁶⁰ См. Гл. II наст. изд.

⁶¹ Смирнов С. И. Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский вестник. 1905. № 4. С. 743.

Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец, ученик обратился с просьбой к Константинопольскому Патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев. Но ни Патриарх, ни собор⁶² не нашли возможным разрешить епитимию старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищею из одних овощей»⁶³.

Другой случай помещен в Прологе 15 октября. Приведем целиком эту необычайную повесть, которая ярко изображает всю силу власти старца «вязать и решить».

«В Скиту жил монах, который в продолжение многих лет был послушлив своему отцу. Наконец, по зависти бесовской, отпал от послушания и без всякой благословной причины ушел от старца, презрев и запрещение (епитимию) за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и принужден тамошним князем отречься от Христа, но он остался непоколебим в твердом исповедании веры и за это был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили в святом храме. Но в каждую Литургию, когда диакон возглашал: “Елицы оглашеннии, изыдите”, рака с телом

⁶² Ясно, что дело идет здесь о так называемых «Εὐνοδος ἐνδουμῶτα»; это собор из епископов, случайно пребывающих по делам в данный момент в столице, созываемый Патриархом в случае нужды.

⁶³ *Феодор Студит, прп.* Огласительные поучения и завещание. М., 1872 (Почтение 33). Это пример приводит профессор Смирнов в своей статье «Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока». Наша работа произведена независимо от этого исследования профессора Смирнова. Несмотря на это, принципиальные взгляды и выводы совпадают.

мученика, к удивлению всех, невидимою силою выносилась на паперть, а по окончании Литургии сама собою поставлялась опять в храме. Один александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения. И ему было открыто в видении, что замученный монах был учеником такого-то старца и за непослушание был связан запрещением старца. Как мученик, он получил венец мученический, а как связанный епитимией старца, не может оставаться при совершении Божественной Литургии, пока связавший не разрешит его. Тогда же отыскан был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже не трогалась со своего места».

Ссылаясь на эту повесть, профессор Смирнов делает следующие выводы. «Из этого рассказа выходит, — говорит он, — что старческая епитимия имеет полную каноническую силу. Она есть проявление апостольского права “вязать и решить”, и никакие личные подвиги связанного, даже мученическая смерть за Христа, не освобождают от ее уз»⁶⁴.

Такой взгляд на власть старца мы находим не только в древние времена. Не изменился он и в наше время.

Вот 30-летний послушник Василий (будущий старец иеромонах Варнава, скончавшийся в 1906 г.) в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры находится на послушании старца Григория.

«Однажды во время предсмертной болезни старца Григория Василий зашел навестить болящего и долго в тот раз оставался у его одра, в последний раз утоляя мудрыми наставлениями старца свою

⁶⁴ Смирнов С. И. Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский Вестник. 1905. № 4. С. 744.

жажду духовной жизни. В это-то время на него и возложен был подвиг старчества, который он подъял на себя после смерти своих наставников.

Давая Василию завет с любовью принимать всех приходящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий подал Василию две просфоры и сказал: “Сим питай алчущих — словом и хлебом, тако хочет Бог”. В конце же всего он присовокупил, открывая ему волю Божию, что им должна быть устроена женская обитель в отдаленной местности и сплошь зараженной расколом... При этом старец, с любовью и жалостью взглянув на своего ученика, не скрыл от него, что много придется потерпеть и понести скорбей и неприятностей». В 1865 г. послушник Василий лишился другого старца — Даниила, «который, умирая, подтвердил своему ученику прежний завет — принять и продолжать после него подвиг старчества. Когда же Василий со слезами просил освободить его от этой тяготы, из уст старца Даниила пошла кровь... и он тихо скончался на руках своего любимого ученика...

Вступление Василия на путь народного наставничества совершилось естественно. Еще при жизни старца Даниила послушник Василий... по поручению старца и от его имени давал посетителям ответы и советы на их различные запросы»⁶⁵.

Таким образом, о. Василий начал старчествовать и скоро приступил к созданию Иверского-Выксунского женского монастыря. Не миновал он и скорбей. Дошло до того, что невинного старца судили на лаврском Соборе. «Заступился тогда за него пред Собором наш схимник о. Александр. Мудрое он сказал слово, и все умолкли после

⁶⁵ Жизнеописание в Бозе почившего старца-утешителя о. Варнавы... Сергиев Посад, 1907. С. 20—23.

того. “Если кто может, — сказал о. Александр, — снять с него старческий завет — устроить обитель и заботиться о ней, — то и он... станет в стороне; а если нельзя никому снять с него этого послушания, завещанного старцем, то нельзя и запрещать ему нести его”. Молча выслушали старцы мудрое слово уважаемого всеми схимника и также молча оставили собрание, чем и был положен тогда же конец всем нареканиям их на батюшку»⁶⁶.

Воля старца обязательна была не только для духовных его чад, но и для всего монастыря. Вот к каким печальным последствиям приводили нарушения завещанных ими традиций.

«Прошел слух, что кто-то из оптинских советует о. архимандриту спилить для лесопилки вековые сосны, что между Скитом и монастырем: все равно-де на корню погниют от старости.

Приходил сегодня наш скитский друг о. Нектарий (последний Оптинский старец)⁶⁷.

— Слышали? — спрашиваю.

— О чем?

Я рассказал о слухе.

— Этому, — с живостью воскликнул о. Нектарий, — не бывать, ибо великими нашими старцами положен завет не трогать вовеки леса между Скитом и обителью; кустика рубить не дозволено, не то что вековых деревьев.

И тут он поведал мне следующее:

— Когда помирал старец о. Лев, то завещал Скиту день его кончины поминать утешением братии и печь для них в этот день олады. По смерти же его нашими старцами — отцами Моисеем и Мака-

⁶⁶ Там же. С. 83—84.

⁶⁷ Последний из соборно избранных (1912 г.) старцев Оптинских, Нектарий (Тихонов; 1853—1928), прп., иеросхим. См. о нем гл. XVII наст. изд.

рием — было установлено править на тот же день соборную по нем панихиду. Так и соблюдалась заповедь эта долгое время, до дней игумена Исаакия и скитона начальника Илариона. При них вышло такое искушение. Приходит накануне дня памяти о. Льва к игумену пономарь Феодосий и говорит:

— Завтрашнее число у нас не принято собором править.

Игумен настоял:

— А я хочу!

И что же после этого вышло? Видит во сне Феодосий: батюшка Лев схватил его с затылка за волосы, поднял на колокольную на крест и три раза погрозил:

— Хочешь, сейчас сброшу?

И в это время показал ему под колокольной страшную пропасть. Когда проснулся Феодосий, то почувствовал боль между плечами. Потом образовался карбункул. Более месяца болел, даже в жизни отчаялся. С тех пор встряхнулись, а то было хотели перестать соборно править.

А в Скиту в тот же день келейник о. Илариона, Нил, стал убеждать его отменить оладыи.

— Батюшка! — говорит. — Сколько на это крупчатки уходит, печь их приходится на рабочей кухне, рабочего отрывать от дела, да и рабочих тоже надо потчевать: где же нам муки набраться?

И склонил-таки Нил скитона начальника — отменили оладыи. Тут вышло нечто посерьезнее Феодосиева карбункула: с того дня заболел о. Иларион и уже до конца жизни не мог более совершать Божественную службу; а Нила поразила проказа, от которой он и умер, обессилев при жизни до того, что его рабочий возил в кресле в храм Божий. Мало того: в ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмена утешения, на рабочей кухне

в Скиту угорел рабочий и умер. Сколько возни с полицией-то было! А там и боголюбцы муку крупчатую в Скит жертвовать перестали... “Видите, что значит для нас преслушание старческой заповеди?” — добавил о. Нектарий к своему рассказу и заключил его такими словами:

— Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатывают старческие хибарки, повесят замки на двери их келлий, ну — тогда... всего ожидать будет можно, а теперь *не у прииде время* (Ин. 7, 6).

Батюшка помолчал немного, затем улыбнулся своей светлой, добродушной улыбкой и промолвил:

— А пока пусть себе на своих местах красуются наши красавицы-сосны. Действительно — красавицы»⁶⁸.

«*Не у прииде время*», — сказал старец в 1909 году... но, увь! — «время прииде»...⁶⁹

⁶⁸ Нилус С. А. На берегу Божьей реки. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 49–51 (запись 25 июля 1909 г.).

⁶⁹ Но вот что передает современный очевидец: «Хочу вам рассказать один эпизод поругания оптинских святынь. Уже после закрытия монастыря я с мамочкой по дороге к Батюшке (старцу о. Нектарию) в Холмищи заходил часто в Оптину Пустынь, которая была преображена в лесопильную артель, а Скит — в дом отдыха. Безжалостно спиливали великолепные сосны оптинского леса, визжали пилы, слышна была ругань рабочих, нет ни одного монаха. Грустно и тяжело было видеть настоящее, вспоминая духовный расцвет Оптиной в прошлом. Поклонившись тогда еще существовавшим могилам старцев, мы с мамочкой пошли к Скиту, чтобы побывать возле благодатной хибарки Старца. Подойдя к святым воротам Скита, мы остановились и молча думали о Батюшке, вспоминая, как в хибарке преподавал святое благословение Старец. Вы помните, что в Скит женщинам входить было нельзя, и можете себе представить наш ужас, когда мы увидели, что из Скита святыми воротами Иоанна

Итак, благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший благодаря этому в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способным руководить новоначальным иноком в его «невидимой брани» на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть само зарождение зла, причины этого зарождения, установить точный диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец — искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устройство своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и различения духов, так как ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться в *Ангела света* (см.: 2 Кор. 11, 14). Но, как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как например, преподобный Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но в нем *живет Христос* (см.: Гал. 2, 20), и все его действия в Духе Святе, а потому всегда в гармонии с Церковью и ее установлениями.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви — это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был

Предтечи выходит жирный брюнет, с курчавой головой, в трусах, его толстая супруга в купальном костюме и голый их отпрыск... трудно писать и говорить об этом».

вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ: например, Игнатий (Брянчанинов) или Антоний Воронежский — великий современник преподобного Серафима. Из иереев назовем св. Иоанна Кронштадтского, о. Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре.

Истинное старчество есть особое благодатное дарование — харизма — непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно повиноваться во всем старцу, так как через последнего открывается непосредственно воля Божия⁷⁰. То же самое, вопрошать старца ни для кого не обязательно, но спросив совета или указания, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собою наказание.

⁷⁰ Такое иноческое послушание, в том виде или характере, как оно проходило среди древнего монашества, епископ Игнатий называет «высоким духовным таинством».

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ*

Преподобный Серафим Саровский (1759—1833) был самым ярким представителем подвижнической школы внутреннего делания.

Хотя школа умного делания к тому времени почти всюду была забыта, но живая струя, ведущая начало от древнего времени, окончательно не иссякла. Сведения о духовном делании передавались в виде поучений из поколения в поколение. Во многих монастырях должны были уцелеть и древние рукописи отеческих творений. Пример киевского старца Досифея и духовных столпов саровских о. Назария и о. Пахомия показывает, что такие опытные подвижники существовали и тогда. По преданию, о. Досифей дает юному Прохору наставление о творении непрестанной умносердечной молитвы. Когда последовало явление Богоматери преподобному Серафиму и монахине Евпраксии, ей было сказано, что она удостоилась этого видения за молитвы отцов Серафима, Марка, Назария и Пахомия, представлявших собою единую духовную семью. Оба подвижника — преподобный Серафим и о. Назарий — одновременно отшельничают в Саровском лесу. Преподобный Серафим возвращается в 1810 г. в монастырь, т. е. на следующий год после кончины о. Назария. В лесу они пробыли одновременно восемь лет.

Зная касание о. Назария к делу печатания «Добротолюбия», можно с уверенностью сказать, что не без его участия стала известна эта книга и преподобному Серафиму. Привез ли он ее в Саров в 1801 г., прислал ли он ее ранее — об этом можно только гадать. Утверждать можно лишь одно: что в лице преподобного Серафима книга эта встретила добрую, подготовленную почву. Преподобный Серафим всецело проникается духом «Добротолюбия», и многие его наставления и советы взяты оттуда. Он осуществляет на деле весь путь умного делания и в достижениях своих превосходит многих святых. «Сей от роду нашего», — говорит о нем Божия Матерь. Преподобный Серафим — это живое откровение того совершенства, к которому может прийти земнородный. И путь его тот же, что и у древних отцов, и у наших отечественных подвижников, занимавшихся умным деланием.

Вот что он сам говорит о подвижническом пути: «Путь деятельной жизни (πρᾶξις): пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательный жизни (θεωρία) состоит в возвышении ума ко Господу в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных, — и далее следует ценнейший аскетический совет. — Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную: ибо она содействует умосозерцательной и ее возвышает...»⁷¹ Так толковал подвижническую жизнь преподобный Серафим.

⁷¹ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 146—147.

Но сам он был духовным наследником и о. Пахомия, и о. Назария, не бывших типичными представителями саровского духа. Их нужно отнести к тем редким единицам, понимавшим и практиковавшим внутреннее делание, которое сохранилось в глубине монашества с древних времен. Величайший же Саров воплощал в себе ту суровую школу аскетического внешнего делания, которая господствовала до Паисия Величковского: уставной строгой службы и жестокой жизни, но без истинного понимания внутреннего делания.

Серафим Саровский был, может быть, самым ярким и самым совершенным представителем, как мы только что сказали, вновь возрожденно-го внутреннего делания; настолько ярким, что за ним как бы даже скрываются величайшие аскетические подвиги, предпринятые им, как например, 1000-дневно-нощное стояние на камне, невероятный пост и другие подвиги. (Все виды подвигов древних отцов-пустынников). Наиболее типичное и характерное столкновение этих двух течений, старого и нового, мы видим в том непонимании и в том непризнании преподобного Серафима братией монастыря и его настоятелями, которые, несмотря на всю парадоксальность, продолжались не только при жизни Преподобного, но и по его смерти.

В Дивеевской летописи многократно упоминается о недоверчивом и неприязненном отношении к Преподобному со стороны монастырского начальства⁷². К нему вторгаются ночью с обысками. Такие же обыски постигают и входящих к нему дивеевских сестер. Характерен случай (уже после смерти Преподобного), когда

⁷² См. там же. С. 187, 248.

батюшка Серафим является в видении исцеленной им монахине Магдалине, приехавшей в Саров на богомолье. В видении он говорит ей:

— Теперь иди в Дивеев.

— Зачем же идти мне туда, там нечего делать.

Но Батюшка несколько раз повторил приказание идти в Дивеев и добавил:

— Все мое там, и я сам постоянно и более всего там пребываю.

Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала саровскому пещернику о. Парфению, прося записать все случившееся исцеление. Он решительно отказался, говоря:

— Ступайте в Дивеев, там запишут непременно; иди, иди в Дивеев, это великая благодать, тебе и сам о. Серафим на то указал. Там запишут, потому что там более всего почитают его. И Бог знает, что еще будет из нас и из Дивеева. У нас вот три раза видели горящие свечи на могиле его, да и то мы не верим, пока на гробе его разве что-либо ясно случится⁷³.

Читатель невольно спросит нас: как же это так — господствующая школа ставит во главу угла внешние аскетические подвиги, устав, быт; но ведь преподобный Серафим превосходит их всех своими подвигами? Да, это все так. Но никто из представителей господствовавшего в то время уклада еще не дорос до понимания умозрительного подвига. Потому все касающееся преподобного Серафима для них остается загадкой и вызывает у них одно лишь подозрение и полное недоверие. Сам взгляд на подвиг у старого и нового течения не совпадает. Возрожденная школа не против подвигов, а только не переоценивает их: это не цель,

⁷³ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 581—582.

а средство; сами по себе они — ничто. Неправильно же применяемые и поставленные как цель, они могут только повредить, явившись причиною духовной прелести. Но, кроме того, на лестнице духовного восхождения у подвижника могут встретиться величайшие испытания. Это борьба с духом злобы, обычно людьми не аскетами даже и не подозреваемая. Тогда подвижник прибегает к величайшим подвигам соразмерно с силою борьбы.

Здесь можно привести случай из жизни схимонахини Платониды (родилась в 1802 г. в Ставрополе) со слов ее духовника: «Засуха или сухость сердца — это самое тяжелое положение в подвижнической жизни. Но это испытание застало Платониду не врасплох: она встретила его благодушно. Когда почувствовала у себя сухость сердца и некоторое расстройство духовной жизни, она не опустила рук, не впала в уныние. Напротив, она порешила в душе своей поститься и молиться дотолѣ, пока Господь снова не коснется ее сердца Своею благодатью и не устроит по-прежнему ее духовную жизнь. Подвиг этого нарочитого поста (неядения) и молитвы начался... День за днем повторился уже 10 раз. Старица постится и молится, но душа ее все еще *яко земля безводная* (Пс. 142, 6)... Иссохли у ней язык и гортань, грудь надрывалась от стонѣ и воздыханий, но на очах все еще ни слезинки. На сердце лежит словно камень какой, а в нем ожесточение и страх: уж не действительно ли Господь отринул ее от лица Своего и отверг навсегда?... Вот и враг издевается над нею, открыто говорит ей:

— Где же Бог твой?

Так шло до 14-й ночи, но тут положен был и конец испытанию. Не допускающий искушений сверх сил наших, Господь явил рабе Своей знамение Своего благоволения и благоугодности Ему

подвигов ее. Когда в полуночный час, в растерзанном сердце своем, произнесла она слова:

— Слышишь ли Ты меня, Господи, слышишь ли стоны мои и страдания сердца моего?

В это мгновение она почувствовала некую теплоту в сердце и во всем существе своем. В это же мгновение отверзлись и ее духовные очи. Она увидела двух Ангелов, из которых один стоял по правую, а другой по левую ее сторону. Оба они писали, каждый в своей книге.

— Смотри, — сказал один из них, указывая на книги, — мы записали каждый вздох твой, каждый стон и слово твое.

Позади же себя увидела толпу демонов. Ближе других стоявший к ней был в изорванной одежде. Когда стоявшие поодаль хотели подойти к нему на помощь, он закричал:

— Куда лезете! Смотрите, как я изорван.

Ангелы стали невидимы, демоны бежали. С тех пор до самой кончины своей блаженная Платонида не знала уже искушений и наслаждалась всегда невозмутимым миром души, радуясь о Господе»⁷⁴.

Серафимово стояние на камне — столпничество — бесконечно превосходящее по суровости и долговременности только что описанный подвиг Платониды (по времени в 70 раз более продолжительный). Подвиг этот превышает человеческое разумение. По поводу его можем мы лишь заметить, что некоторые биографы неправильно понимают и по-своему истолковывают это боренье: то полагают, что здесь была брань с плотью, то с помыслами честолюбия и т. д. Но такие гадания не вяжутся с той духовной высотой

⁷⁴ *Никодим (Кононов), архим.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1910. Декабрь. С. 342—343.

преподобного Серафима, на которой он уже находился в то время (1804—1807). Здесь только могло быть место борьбе не против плоти и крови, а непосредственно с духами злобы поднебесными. Из беседы с Мотовиловым выясняется эта тайна: «Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явления этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами и силою своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности»⁷⁵.

Выйдя победителем из этой страшной борьбы, преподобный Серафим вознесся на высоту древних величайших подвижников.

Итак, мы видим, что тот ключ живой воды, который сохранился в глубине монашества с древних времен и почти уже совсем иссякавший, в преподобном Серафиме сливается с внешними водами возрожденного Паисием Величковским учения святых отцов о внутреннем делании и обращается в его лице в такой мощный и сильный поток, который поражает и до наших дней своим величием и державностью весь духовный мир.

Профессор протоиерей о. Георгий Флоровский в немногих словах охватывает всю неизмеримую глубину значения преподобного Серафима: «Начало прошлого века в судьбах Русской Церкви отмечено и ознаменовано каким-то внутренним

⁷⁵ Нилус С. А. Служка Божией Матери и Серафимов // Угодник Божий Серафим. М., 1993. Т. 2. С. 45.

и таинственным сдвигом. Об этом свидетельствует пророческий образ преподобного Серафима Саровского (1759—1833), его подвиг, его радость, его учение. Образ вновь явленной святости оставался долго неразгаданным. В этом образе так дивно смыкаются подвиги и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешнего света. Старец... с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа...

Преподобный Серафим еще более напоминает древних тайновидцев, преподобного Симеона больше других, с его дерзновенным призывом искать даров Духа. Преподобный Серафим был начитан в отцах... В его опыте обновляется исконная традиция взыскания Духа...

“Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия”... Все другое должно быть только средством. Под елеем, которого не достало у юродивых дев евангельской притчи, преподобный Серафим разумел не добрые дела, но именно благодать Всесвятаго Духа. “Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское... а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было”⁷⁶.

Так со властью противопоставляется морализму — духовность... Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг, стяжание. И подаваемая благодать открывается в некоем неизреченном свете

⁷⁶ Толкование притчи о десяти девах взято преподобным Серафимом у преподобного Макария Египетского, который двукратно разбирает эту притчу и под елеем подразумевает благодать Св. Духа (см.: *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы, послание и слова... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 25, 405).

(ср. описание Мотовилова в его известной записке о преподобном Серафиме)... Преподобный Серафим внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой»⁷⁷.

В своем исследовании «Духовные предки св. Григория Паламы» профессор архимандрит Киприан тоже говорит о непрерывной преемственности православной мистики: «Путь православной мистики и цель ее — стяжание Святого Духа, а не подражание страдающему Христу и не жертвенное самоистязание. В этом совершается для него личная встреча с Параклитом и заключается им его личный завет со Святым Духом, почему ему и чуждо ожидание третьего Завета и третьего Откровения всему человечеству. Это откровение совершается на его личном пути, личным стяжанием благодати. Эта традиция нашей мистики идет от древнейших духовидцев Востока, эта линия тянется от псевдо-Дионисия через Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Паламу к подвижникам и мистикам наших дней, когда еще раз расцветает в лице преподобного Серафима Саровского и опытно раскрывает в его беседе с Мотовиловым то, что было драгоценным сокровищем в мистической ризнице Востока; видение обоженной полноты человеческого существа»⁷⁸.

*Из книги: *Концевич И. М.* Оптиная Пустынь и ее время. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2008.

⁷⁷ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 391.

⁷⁸ *Киприан (Керн), архим.* Духовные предки св. Григория Паламы: (Опыт мистической родословной) // Богословская мысль. Париж. 1942. С. 130.

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

«Духовные наставления» преподобного Серафима собраны, записаны и впервые изданы в свет постриженником Саровской пустыни о. Сергием, который впоследствии был иеромонахом Троице-Сергиевой лавры и архимандритом Серпуховского Высоцкого монастыря. Этому же автору принадлежит и первое жизнеописание о. Серафима, составленное в 1837 г. Приснопамятный митрополит Московский Филарет, всегда глубоко чтивший великого саровского старца и подвижника, сам пересмотрел и исправил сочинения о. Сергия, чтобы устранить возможные препятствия к их напечатанию. 2 августа 1838 г. он писал своему наместнику архимандриту Антонию: «Посылаю вам, о. наместник, просмотренные мною поучения или духовные наставления о. Серафима. Я позволил себе переменить или дополнить некоторые выражения частью, чтоб язык был правильнее, частью — чтобы мысли, не довольно полно и не довольно обыкновенно выраженные, оградить от неправильного разумения или от прекословия. Посмотрите и скажите мне, можно ли думать, что я не переиначил или не повредил где-либо мыслей старца». В 1839 г. «Духовные наставления» преподобного Серафима появились в свет, но не вместе с житием святого старца, а в книге

«Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка».

О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согрет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится холод доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытай, где живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только тогда, когда мы делаем добро, но и когда оскорбляем и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как благоутробно наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит прп. Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Исаак Сирин. Слово 90).

Поколику совершенствуется человек перед Богом, потолику вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лицо Свое. Ибо праведные, по той мере как входят в созерцание Его, зрят образ, как в зеркале, а там зрят явление истины.

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему; и не можешь

любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не должно рассуждать по насыщении чрева: ибо в наполненном чреве нет видения таин Божиих.

О вере в Бога

Прежде всего, должно веровать в Бога, *яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом, помощью вервия, то есть благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела.

О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь.

Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земли сей; ибо душою

и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, во время исхода своего из тела не убоится князя воздушно-го, но со ангелами возлетит, как бы из чужой страны на родину.

Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать *прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Бого-созерцания, подобно апостолам при Божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом, подобно небесным умам. Ибо будем подобны ангелам и сынами Божиими, *воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет и душу свою*

отщепит? или что даст человек измену за душу свою (Мк. 8, 36; Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макарий Великий. Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старания должно иметь о душе; тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

Чем должно снабдевать душу?

Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири, что должно делать стоя. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным.

Надобно так себя обучить, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других

добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разума.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит прп. Исаак Сирин, охраняют чистоту.

Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благих впечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха (Исаак Сирин. Слово 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время, — знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошаний, также — для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению псаломника: *Мир мног любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

О хранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться

удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

Образ такого безгневия мы видим на Григории Чудотворце, с которого в публичном месте жена некая блудница просила mzды, якобы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: «Даждь скоро ей цену, колико требует. Жена, только что прияла неправедную mzду, подверглась нападению беса; святой же отогнал от нее беса молитвою» (Четьи Минеи, ноябрь 17).

Ежели же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по глаголу псалмопевца: *Смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае сможем в образец себе взять святителя Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый (Четьи Минеи, декабрь 12) так перенес оскорбление: когда, по требованию царя греческого, входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту; св. Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратился к нему и другую (см.: Мф. 5, 39). Преподобный Ефрем (Четьи Минеи, январь 28), постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: «Не скорби, брате, аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней». И пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен.

А как побеждать гнев, сие можно видеть из жития великого Паисия (Четьи Минеи, июня 19), который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы он освободил его от гнева; и рече ему Христос: «Аще гнев и ярость купно победи-ти хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи».

Дабы сохранить мир душевный, должно отда-лять от себя уныние и стараться иметь дух радост-ный, а не печальный, по слову Сираха: *Печаль бо многих уби и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в пот-ребных для тела вещах, то трудно победить уны-ние. Но сие, конечно, к слабым душам относить-ся должно.

Для сохранения мира душевного также всяче-ски должно избегать осуждения других. Неосуж-дением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то полу-чает Божественные откровения.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я? При сем долж-но наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не раз-влекали душу чувственными предметами: ибо бла-годатные дарования получают токмо те, кои име-ют внутреннее делание и бдят о душах своих.

О помыслах и плотских движениях

Мы должны быть чисты от помыслов нечи-стых, особенно когда приносим молитву Богу, ибо несть согласия между смрадом и благовонием. Где бывают помыслы, там и сложение с ними. Итак, должно отражать первое нападение греховных помыслов и рассеивать их от земли сердца нашего.

Пока дети вавилонские, то есть помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же три главные страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми старался диавол искушать даже Самого Господа нашего в конце подвига Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь *в ограде своей* (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечистивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами.

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благодати Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим. Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне.

Человеку в молодых летах можно ли не возмущаться от плотских помыслов? Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей.

О хранении сердца

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову приточника: *Всяким хранением блюди сердце твое: от сих бо исходяща живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что втекло в сердце лучшего, того мы без надобности выливать не должны; ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца.

Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же вся выльется, то оно хладеет, и человек замерзает.

О распознавании действий сердечных

Когда человек примет что-либо божественное, то в сердце радуется; а когда диавольское, то смущается.

Сердце христианское, приняв что-либо божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа; но самым тем действием убеждается, что оно небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные: *любь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22).

Напротив же, хотя бы диавол преобразился и во *ангела света* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли благовидные, однако сердце все чувствует какую-то неясность и волнение в мыслях. Что

объясняя, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Слово 4. Гл. 13).

О покаянии

Желающему спастись всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по псаломнику: *Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). В каковом сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, коего все тщание состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имат плевелы? Он же рече: враг человеков сие сотвори* (Мф. 13, 27—28).

Когда же человек старается в себе иметь сердце смиренное и мысль невозмущенную, но мирную, тогда все козни вражии бывают бездейственны, ибо где мир помыслов, там почивает Сам Господь Бог — *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит мученик Вонифатий (Четьи Минеи, декабрь 19): страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя, той бо пробуждает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и не возмущенной, свою зрит некрасоту и тако рождаются начатки и корень покаяния.

Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться пред Ним, прося оставления долгов наших.

Можно ли обласгодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по псаломнику: *Превратихся пáсти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13), ибо когда Нафан пророк обличил Давида во грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (см.: 2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водою, на источнике впал в грех с женою, и, возвратясь в келью, сознав свое согрешение, паки начал провождать жизнь подвижническую, как и прежде, не вняв советам врага, представлявшего ему тяжесть греха и отводившего его от подвижнической жизни. О сем случае Бог открыл некоему отцу и велел впавшего в грех брата ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся в грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилищах всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (см.: 1 Ин. 5, 16).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом.

О страхе Божиим

Бойся Бога, — говорит премудрый, — и заповеди Его храни (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из тела и души, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возношении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни,

а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов св. Григория Богослова: «К созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности» (Слово на Святую Пасху).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: «Дерзый бо и прозорливый, — по словам Григория Синаита, — паче достоинства своего взыскав с кичением, понуждается до того прежде времени dospети. И паки: аще мечтается кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (О прелести и о иных многих предлогах. Добротолюбие. Ч. 1).

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *Испытайте Писания, яко вы мните имети в них живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщиться прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе

исполнять то, чему научают оные, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова, самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда во всем освящаемую (Слово на Святую Пасху).

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспевание и пришел бы уже в умосозерцательную: ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять одного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей церковных, умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных (Блаженный Феодорит. Толкование на Песнь песней).

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *Страх же их не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени и исполнения воли Его, и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12—13).

О посте

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя

продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

К той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит

в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж, чтобы наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может. *Могий же вместити, да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтоб тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; а иначе может быть то, что, изнемогшу телу, и душа слабеет.

По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и ангел Господень прилепится к тебе.

О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27); духу давать духовное, а телу — телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *Воздадите кесарево кесареви и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты пищи много или сделал другое что сродное слабости человеческой, не возмущайся сим, не прибавляй вреда ко вреду; но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дочери Иаировой от смерти, тут же повелел *дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует: «Многие много собрали в юности, но, посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились» (Беседа на начало притчи. С. 305).

А потому, чтоб не испытать такого превращения, надобно поставить себя как бы на мерилах испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению св. Исаака Сирина: «Якоже на мерилах приличествует извести коемуждо жительство свое» (Слово 40).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с пророком говорить: *Не нам, Господи, не нам но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

О бодрствовании против искушений

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола; ибо можем ли надеяться, чтоб он оставил нас без искушения, когда не оставил Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: *Симоне! Симоне! се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит на нас быти искушению выше силы нашей, но да избавит нас от лукавого.

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали.

Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Антиох. Слово 25).

Об отчаянии

Как Господь печется о нашем спасении, так человекоубийца-диавол старается привести человека в отчаяние.

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам св. Иоанна Лествичника, и не совместно разуму. Первое врачуются воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего (Лествица. Степень 26).

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каких бы то ни было. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в великий грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братья, учит преподобный Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змииную главу (Антиох. Слово 27).

О болезнях

Тело есть раб души, душа — царица, а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя; и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий: «Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам (Слово о том, что Бог не есть причина зол).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний

человек; а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо поколику *внешний наш человек тлеет, потолику внутренний обновляется*» (2 Кор. 4, 16).

Буде Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин: «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его (Слово 89).

Мы все милости Божией требуем, как Церковь поет: еще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно же и человекоубийцы.

Мы в отношении к ближним должны быть, как словом, так и мыслью, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *...Возлюбиши... ближняго твоего яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене*

достойн; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает святитель Димитрий Ростовский: «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь со Творцом сравнивается, или более тварь, нежели Творец почитается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любитя и предпочитается (Ч. 2, поучение 2).

О неосуждении ближнего

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим, или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1), и паки: *Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоит или падает. Станет же, силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *Мняйся стояти да блюдетя, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Ибо неизвестно, сколько времени мы можем в добродетели пребывать, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *Рех во обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7—8).

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

Самых себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем

отверзта, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай. Если осуждаешь ближнего, учит преподающий Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и великому Судье, ведущему сердца наши и сокровенные страсти естества (Антиох. Слово 49).

Чтоб избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *Сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

О прощении обид

За обиду, какая бы не нанесена была, не только не должно отмщать, но, напротив того, должно еще прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *Аще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15), и паки: *...Молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Когда твою честь кто уничижает или отнимает, то всеми мерами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелия: *От взимающего твоя не истязуй* (Лк. 6, 30).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая, — против человекоубийцы-дьявола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *«Нашел Я мужа по сердцу моему, который исполнит все хотения Мои»* (Деян. 13, 22). Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы.

Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (см.: Иов 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином.

По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом, говорит о гнавшем его Израиле: *Еда воздаются злая за благая? Помяни стоящего пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Иер. 18, 20) (Антиох. Слово 52).

Итак если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью. Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью; и потому

недостойны, по апостолу, *страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8, 18).

Оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались.

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Когда люди поносят нас, мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то бы все кланялись нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: «Уничижи себе — и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма. Посему возлюбим смирение и узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Как воск не разогретый и не размягченный не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (см.: Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то недалеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжевает и прочие совершенства. Почему св. пророк Исаия говорит: *Терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря:

Изыди, мужу беззаконный, — он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: Почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя? — он запретил ему, говоря: Оставьте его и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое (2 Цар. 16, 7—12). Почему после и воспел: Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою (Пс. 39, 2).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание свое сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыни, говорили, что Христос воистину есть пророк, хотели взять Его и сделать царем, а когда Он сказал им: *Делайте не брашно гнблющее, но брашно пребывающее в живот вечный*, — тогда говорили Ему: *Кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 27—31). Прямо на таких падает слово: *...Исповестся Тебе, егда благосотвориши ему*, — и таковой даже до конца не узрит света (Пс. 48, 19—20).

Посему апостол Иаков учит нас: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадете различна, ведяще, яко искушение ваша веры соделывает терпение: терпение же дело совершенно да имать*, — и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни* (Иак. 1, 2—4, 12).

О милостыне

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), а также: *...Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда неодинакова, как сказано: *...Сеющи скудостию, скудостию и пожнут; сеющи же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Четьи Минеи, сентябрь 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, — да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным расположением, по учению св. Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит деяние твое веселие лица твоего и словесы благими утешай скорбь его» (Слово 89).

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Москвина

«ОН УЧИЛ НАС СТЯЖАТЬ БЛАГОДАТЬ СВЯТОГО ДУХА»	3
---	---

Священник Николай Булгаков

«НЕТ НАМ ДОРОГИ УНЫВАТЬ!..»	15
-----------------------------	----

И. М. Концевич

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА	98
--	----

И. М. Концевич

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ	136
---	-----

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВ- СКОГО	145
---	-----

О Боге	146
------------------	-----

О вере в Бога	147
-------------------------	-----

О любви к Богу	147
--------------------------	-----

Против излишней попечительности	148
---	-----

О попечении о душе	148
------------------------------	-----

Чем должно снабдевать душу?	149
---------------------------------------	-----

О хранении мира душевного	150
-------------------------------------	-----

О помыслах и плотских движениях	152
---	-----

О хранении сердца	154
-----------------------------	-----

О распознавании действий сердечных.	154
---	-----

О покаянии.	155
---------------------	-----

О страхе Божиим	157
---------------------------	-----

О жизни деятельной и умозрительной.	157
---	-----

О посте	159
-------------------	-----

О подвигах	161
О бодрствовании против искушений	163
О печали	163
Об отчаянии	164
О болезнях	165
О должностях и любви к ближним	166
О неосуждении ближнего	167
О прощении обид	168
О терпении и смирении	169
О милостыне	172

Духовно-просветительское издание

СПАСАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

Преподобный Серафим
и наше время

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *И. Черкесова*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Дизайн обложки *А. Семенов*

Фото *С. Власов, К. Новотарский*

Корректоры *Т. Горячева, Е. Рипс, А. Бурцева*

Верстка *М. Алимпиев*

Подписано в печать 30.09.2011. Формат 84 × 108 1/32

Объем 5,5 печ. л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Заказ № Р-1940.

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви

119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18

Оптовый отдел реализации:

(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

DS

Dental Service

SINCE 2002

Клиника «Дентал сервис 2002» была создана в 2002 году с целью помощи пациентам, которым отказали в других стоматологических клиниках. Самые трудные диагнозы, последствия некачественного лечения, осложнения после лечения некорректными способами и методиками — всё это наш профиль. Чем сложнее диагностическая ситуация, тем больше возможности у нас проявить свои способности и знания. Имплантация зубов с костной пластикой, косметические реставрации, виниры, металлокерамические коронки, отбеливание — это стандартный набор предложений любой стоматологической клиники. Естественно, Вам будут установлены при необходимости импланты, сделаны косметические реставрации и виниры, но все это последние штрихи к тому лечению, которое восстанавливает Ваше стоматологическое здоровье. В клинике мы изучаем суть проблемы и то, как её решить не на день или на два, а на года и десятилетия. Реставрации и виниры могут со временем придти в негодность, но здоровье будет на довольно высоком уровне, и достаточно небольших корректировок, чтобы Ваша улыбка заиграла вновь. Решение проблемы полностью, не ограничиваясь полумерами, — вот наш залог качества и долговечности результатов.

О клинике Вы можете прочитать на сайтах www.ds2002.ru и www.stomatcentre.ru.

С уважением
генеральный директор Коликов Д. В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ